

Арунас Мачюлис

*Армагеддон —
дарующий
жизнь*

Откровения сектанта

Арунас Мачюлис

Армагеддон – дарующий жизнь. Откровения сектанта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30476368

ISBN 9785449052902

Аннотация

Действие романа основано на реальных событиях. Проникая в глубины подсознания, вы вместе с героем Дарунасом, после неожиданно разворачивающихся событий, оказываетесь в секте, где с вами начинают происходить странные события. В романе есть и любовь, и эротика, и чакры, и просветление, и даже новейшая теория омоложения. Какую информацию сумеете взять для себя вы, дорогой читатель, это зависит от чистоты вашего сердца. Ведь подзаголовок книги гласит «для избранных»...

Содержание

Предисловие автора	6
П Р О Л О Г	8
Глава 1	15
В когтях СИСТЕМЫ	15
Глава 2	35
Знаки на пути	35
Глава 3	49
Первые впечатления	49
17 лет спустя. Теория омоложения (вводная лекция)	62
Теория омоложения (продолжение)	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Армагеддон – дарующий жизнь Откровения сектанта

Арунас Мачюлис

© Арунас Мачюлис, 2018

ISBN 978-5-4490-5290-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**А Р М А Г Е Д Д О Н —
Д А Р У Ю Щ И Й Ж И З Н Ъ**

(откровения сектанта)

для избранных

Мудреца к которому толпился народ, чтобы послушать его. речи, однажды спросили:

– В чём заключается суть того, что ты делаешь?

– Продаю воду сидя на берегу реки, – последовал ответ.

Христос сказал: «Царство Небесное здесь, Оно рядом с

вами и в вас. А вы ищите Его где-то на стороне».

Предисловие автора

Литературное произведение, как и всякое произведение искусства, начинается с любования жизнью. В книге рассказ ведётся от первого лица, где я в первую очередь сосредоточил внимание на процессах, происходивших в моём внутреннем мире. Любуясь этими процессами, у нас появляется возможность избавиться от лишнего груза, становясь более лёгкими, более свободными людьми. Поэтому герой данной повести, – хотя во многом она носит автобиографический характер, – это не совсем я.

Надеюсь все устремлённые, все ищущие Истину, желающие достичь Просветления или Царства Небесного, сознания Кришны или сознания Будды, – не важно, как это будет названо, – все, кто осознал первостепенность задачи нашего времени: победить своё запредельно разросшееся «эго», – все, отправившиеся в путешествие в поисках своего истинного «я», все вы – отважные мои друзья, – читая эту книгу, прикасаясь к моим внутренним приключениям, возможно найдёте отзвук и в своём внутреннем мире. Смею надеяться, что это кому-то даже поможет пережить минуты безнадёжного одиночества, поле которого неизбежно должен пройти каждый избранный, как в своё время мне помогали книги всех тех, кто прошёл до конца этот Путь ранее. Это своего рода долг, который отдаю обществу.

Подзаголовок «для избранных», – он не должен шокировать читателя, или по-иному как-то его смущать. Я не хотел никого дразнить. И всё же, со временем я всё больше убеждаюсь в факте существования избранных. На Земле во все времена проживало некоторое, не столь большое количество людей, которые умели любоваться самим процессом жизни, не предъявляя ей никаких требований. Среди них были богатые и бедные, знатные и простолюдины, но всех их объединяло одно внутреннее качество, которым они обладали – это божественный интервал между их личностью и проявлениями малоприятных явлений внешней среды, с неизбежной неотвратимостью которых нам всем приходится время от времени сталкиваться. Благодаря этому интервалу, который, как мы сейчас уже знаем, нарабатывается духовными усилиями нескольких воплощений, эти люди продолжают любоваться потоком жизни, каким бы он не был – благоприятным или нет, выгодным или материально ущербным; даже когда приходит их последний час, эти люди продолжают любоваться самим процессом умирания.

Эта книга посвящается всем ищущим пилигримам, страдающим, но устремлённым, уже чувствующим дыхание Вечной жизни где-то рядом, уже одной ногой стоящим рядом с Победителем.

Устремлённым посвящается эта книга...

П Р О Л О Г

Эту рукопись мы нашли в центральной части сети Поселений, выживших после ряда техногенных катастроф и за ними последующего хаоса – воин и катаклизмов. Это – Полюс Мира, хорошо нам известная главная святыня Земли, и место Сверхшения, естественно претерпевшее наименьшие разрушения во времена решающих событий.

Если сказать ещё конкретнее – около 500 лет рукопись пролежала в подвале одного старенького домика в том местечке, которое тогда называлось деревней Петропавловка.

Казалось бы, эта эпоха Становления Человечества, эпоха Главного Перехода (или Квантового Скачка, как учёные того времени пробовали именовать происходящее) уже исследована до мельчайших деталей – наши дети уже в начальных классах знакомятся с историей Второго Пришествия, молодёжь изучает официальную летопись Сверхшения «Последний Завет» в университетах, а в Фонде Наследия хранятся множество материала – книг, писем, фильмов и т. д., отражающих события того времени.

И всё же, когда к нам в руки попадает ещё одно свидетельство тех дней, мы вновь и вновь задаёмся вопросом: могли ли события тех дней пойти по иному руслу? Можно ли было избежать тех трагических впоследствии, или по крайней мере значительно уменьшить их масштабы?..

Сегодня, в 550-том году Эпохи Рассвета (2560г. от рожд. Хр.), когда процесс Становления уже позади, когда мы, выжившие с ужасом смотрим на ту эпоху невежества, люди которой не смогли в должной мере принять Второго Пришествия, когда наши лидеры той поры, одни, увлѣкшиеся созданием так называемого Нового Мирового Порядка, другие, замкнувшие кольцо части общественного сознания на «патриотизме» и «исключительной» роли своего народа, привели общество к известным печальным событиям. Когда нам особенно тяжело и досадно вспомнить роль Церкви, которая не смогла должным образом исполнить свою миссию, как оплота чистоты и стяжания Духа Святого, а подалась разрушительному воздействию эпохи Разврата, становясь служанкой политиков, следствии чего не только не опознала Посланника Второго Пришествия, но выступила в первых рядах Его гонителей...

Когда мы знаем, какую цену заплатило общество за те роковые ошибки Эпохи Невежества, мы опять и опять с удивлением задаѐмся вопросом – как это могло случиться? Что чувствовали люди? – Ведь всё происходило с согласия, – по крайней мере, если не одобрения, то молчаливого согласия, – подавляющего большинства населения. Был ли у нас шанс пройти этот отрезок нашей историй по другому, и более благоприятно... Сейчас, когда историки выдвинули теорию, что Второе Пришествие вероятнее всего было бы принятым широкой общественностью, а не только горсткой, как

их поторопились о клеймить, «сектанты», – если бы предварительно не были утаены от широких слоёв населения хотя бы два элите общества тогда уже известных факта: способность перевоплощения душ человеческих и наличие контакта с Разумными цивилизациями Внеземного происхождения. (Материала, подтверждающего эти два факта тогда уже было накоплено предостаточно; увы, засекречено, из-за неразумной гонки за первенство между государствами.) Более того, говорят лидер страны, на территории которой происходило Сверхшение, в одно время даже рассматривал возможность встречи с Посланником, когда сознание людей этой страны, перетерпевшей болезненную трансформацию общественного строя, искало новый фундамент, на котором можно было создавать своё будущее; тогда искренне рассматривались все варианты. Но вскоре вся политика свелась к узкой тропинке своей «национальной идеи», в связи с чем на поверхность всплыла и тут же была подхвачена некая концепция, название которой дошло до нас в сокращённом её варианте – КОБ, теория для того времени достаточно продвинутая, однако содержащая в себе некоторые ошибки, естественно обусловленные большим дозволенного гармонией природы удельным весом «эго» создателей этой теории, которая по естественным закономерностям овладела умами руководителей страны, так как своим происхождением обязана некоторой диктовке Внеземного Разума, на порядок более высокого уровня развития, чем разум челове-

ский, поэтому выглядела столь впечатляюще. Но по этой же причине, более развитому Разуму, который в данной игре с низкочастотными вибрациями эгоизмом заражённого человеческого сознания имел свои цели, вложить маленькие неточности «создателям» этой теории не составило большой сложности. А маленькие неточности в теории высокой стройности оборачиваются, как известно, большими авариями. Но, как говорят, в истории нет условного наклонения, случилось так, как случилось...

Мы прошли эту эпоху испытаний, которую назвали Эпохой Главного Урока. И если сейчас никому и в голову не приходит копаться в генеалогии своих предков с целью подтверждения своего расового превосходства, тем более ставить границы между народами, играя в псевдо творения «национального» государства, или противопоставлять идею «своего мира», как отдельной цивилизации, отделяя себя от остальных «нелюдей», тем самым невероятно возвышая себя и окружая врагами, – так не всегда всё так и было. Читая рукописи тех лет, мы помним, что эти люди были детьми своей эпохи, они были лишь Гомо Сапиенс, расы мыслящей, можно сказать даже – с хорошо развитыми интеллектуальными способностями, но больной душевно; безнадежно больной слишком большим удельным весом «эго» каждого отдельного представителя этой расы. Этой болезнью обусловлено и довольно узкое сознание тех представителей того общества, которые выступали в ролях так назы-

ваемых «контактёров», которым так часто вживлялись и потом распространялись среди остального населения привлекательные, «гениальные» идеи представителями неодоушевлённых, но более высокого уровня развития разума Цивилизаций, естественно ничего не знающих о законах развития человеческой души и преследующих свои, часто недружелюбные к землянам цели. (Есть весьма авторитетное мнение, что самое сложное в Становлении и было: признать существование Отца Небесного, Создателя душ землян, чего, как известно, лишены все многочисленные Миры Внеземного происхождения.)

Поэтому, не вдаваясь в детальное обсуждение причин безумных страстей, которыми были заражены обитатели Земли той поры, когда болезнь «эгоизма» наиболее ярко распространялась популярнейшим вирусом *Б Е С П О Р Я Д О Ч Н О Г О С Е К С А*, который тогда безусловно был самым любимым занятием как представителей верхних слоёв общества, так и низов, – не вдаваясь в детали, можем сейчас констатировать: безумство землян являлось основной чертой, той красной линией, которая прошивала все уровни сознания той поры. И сейчас, конечно, мы смотрим на это время, на этих людей с удивлением, наверное схожим на то, как они в своё время смотрели на те древние племена, которые с луками и стрелами гонялись друг за другом...

И всё же, чем может привлечь внимание читателя ещё одна рукопись того времени, кроме любопытства с которым

мы проникаем в наше необычное прошлое. Нам кажется – эта рукопись среди множества других документов, запечатлевших события тех дней, выделяется неким эзотерическим привкусом. Да, да – зародыши этой Новой Эзотерики наших дней, столь популярной среди нынешней молодёжи, мы можем находить в отдельных отрывках записей тех смутных времён. А именно: в этой рукописи мы впервые встречаем теорию омоложения, изложенную в том первоначальном виде, которая впоследствии была усовершенствована и превратилась в современную нам уже хорошо знакомую научную практику. И здесь мы можем сделать вывод, что некоторые эзотерические теории, которые современникам кажутся из области фантастики, впоследствии могут обрести вполне реалистичные контуры. Такое бывает, правда, очень редко, в виде исключения.

И по этому поводу хочется привести слова одного уважаемого священнослужителя, который так охарактеризовал волну современной эзотерики: «Эти молодые люди, так называемые Эзотерики Новой Волны, пытаются сами познать Законы духовного развития, иногда чуть ли не вступая в полемику с самим Священным Писанием. Точнее будет сказать: они прилагают усилия, стараясь предугадать Самого Посланника, предугадать ещё несказанное Слово, как-бы предвидеть будущее, так как они и сами прекрасно осознают, каким абсурдом являлась бы любая попытка исправить Истину Писания. Поэтому такая своего рода их по-юношески горя-

чая полемика со Словом, ещё не сказанным, – она не должна нас смущать, а тем более вызывать наши опасения. Эти пламенные сердца, создающие всё новые и новые фантастические теории, – они нам не угроза; это явление уже никак не может пошатнуть устои современного, зрелого общества. Всё то, чем занимаются наши молодые эзотерики – это всего лишь забавная игра, на которую мы не можем и не должны смотреть серьёзно – это всегда останется предметом лишь некоего детского любопытства: угадают ли очередной раз эти смельчаки те закономерности развития нашей цивилизации, которые впоследствии подтвердит или опровергнет Посланик, Чья Миссия и есть Творить Закон...»

Итак, отдаём на ваш суд рукопись без исправлений, хотя понимаем некоторые недостатки текста древнего, обусловленного грубостью того времени. Мы сознательно ничего не правили, дабы читатель мог сам всё оценить и пропитаться духом этой по своему интересной исторической эпохи, которую мы сейчас именуем – Становление.

Глава 1

В когтях СИСТЕМЫ

*«Прежде, чем ученик заговорит в присутствии
Учителя,
уста его должны быть омывы слезами
сострадания.»*

*(Из мудрости древних Мастеров Рунического
Знания)*

В 1997 году я уехал из своей маленькой родины Литвы. Уехал в далёкую Азию, в Сибирь, в предгорье Саян. Причины тому были две: во первых я потерял доверие тому пути, по которому шёл более пятнадцати лет, а во вторых – я был влюблён. Любил я страстно, даже безумно, впрочем, как и все по-настоящему любящие. Были минуты, когда я обожествлял свою возлюбленную до такой степени, что был готов бежать за ней куда угодно. (За что презирал себя!) И вместе с тем были минуты, когда, – чуть не сказал: я мог воткнуть блестящее лезвие ножа в её удивительную грудь, возгорись в моём сердце ревность, – но нет, наверное, я бы удержался. И тем не менее, были минуты, когда я находил в себе большого ревнивца. . . Я боялся своей страсти, не знал куда она может меня занести, но ничего не мог с этим по-

делать. И ещё: я не признавал в себе наличие этих чувств. Да, да! Не признавал! Потому, что я был весь в медитации. А в медитации не должно быть чувств, как проявления низшей, животной части человека. По крайней мере я так думал, поэтому и находился в таком раздвоении.

Медитация уже много лет составляла суть моей жизни, целью которой было развитие уникальных способностей ума и сознания. Если бы вы ещё взглянули на авторов книжек, которые постоянно лежали ровной стопочкой на моем письменном столе, вам было бы яснее, что из себя я тогда представлял. А эти авторы (помимо всякой эзотерической всячины) – вот они: Ницше и Достоевский, Кьеркегор и Камю, Кафка и Герман Гессе. Но в первую очередь Ницше со своей безумной идеей «сверхчеловека» – да и для других вышеупомянутых достопочтеннейших, хотя они и не лишились рассудка, как бедный Фридрих, но сама их жизнь тоже была проблемой; как, впрочем, и для меня. В добавок, к тому моменту я хотел уйти в монастырь, так сказать, окончательно погасить страсть своего тленного тела, выбирал только какой лучше: в Южной Корее – монастырь Дзен-Буддизма, в Вильнюсском филиале школы которого я уже успел прославиться, как непослушный Дзен-хулиган астрального плана, или выбрать традиционную католическую келью...

Вот таким смешным я был – любил и не признавал в себе этих чувств. Ну, чуть-чуть видел, что они есть, иногда они, как я уже говорил, полностью ослепляли мой рассудок,

но приходя в себя я продолжал думать: наверное, ещё усерднее надо медитировать. И чем глубже я погружался в медитацию, тем ярче потом разгоралось пламя моей страсти. Так что я был в полном тупике...

К счастью, Алиша – так звали мою возлюбленную – оказалась мудрой девушкой и чаще всего воздерживалась от соблазна поиграть на моих чувствах, на моей беспомощности. Но пришёл день, когда она действительно поставила меня перед выбором: либо мы вместе едем в Саяны, – эти далёкие горы, которые мы долго искали на карте страны медведей, – либо я остаюсь патриотом только что отвоевавшей независимость родины, которая так нуждалась в приложении творческих усилий молодых людей. Но тогда Алиша едет одна, и мы расстаёмся... Ну, если уж я начал говорить о своей подруге, приоткрою ещё некоторые тайны наших взаимоотношений. Она была из тех девочек, амплуа которых было «косить под мальчика». То есть – она одевалась, причёсывалась, и все манеры её поведения были «подбиты» под мальчика. Но эротичного, притягательного мальчика. Я не голубой, но мне тогда нравился именно такой стиль представительниц противоположного пола. Потом только, намного позже, когда Алиша начала по-настоящему раскрываться как женщина мы поняли, что в том мире извращённых понятий, в котором мы тогда находились, было сложно расцвести женщине так, как она может расцвести. Цветку, чтобы он благоухал, нужно ухаживание и подпитка той энергией, которую

может дать только гармонично сформировавшийся мужчина – Творец! А я тогда был просто зелёным пацаном. Да и ей, до настоящей женщины-Природы было ещё далеко... Мы были детьми эпохи индустриального общества, воспитанниками некоего усреднённого пола, где ценился лишь интеллект, и болели болезнью той эпохи, где воспитание чувственного мира молодёжи было оставлено на самотёк. Так что, Алиша пока пряталась под мальчика, и тоже погружаясь в медитацию не признавала тех чувств, которые испытывала, – как потом всё-таки выяснилось, – по отношению ко мне. Мы были друзьями, читали те же книжки, и медитируя помогали друг другу пережить холод одиночества, который неизбежно подкрадывается ко всем зрелым душам, томящимися в СИСТЕМЕ...

Тем не менее – я был мальчиком, а она была девочкой, и нас, естественно, притягивал магнит природных чувств. Сексуальную революцию свершало поколение наших отцов, все сексуальные табу уже были разбиты, и в гламурных журналах того времени звёзды поп культуры гарцевали беззастенчивыми выражениями, типа: «поймать секс – это так же просто, как вовремя скушать гамбургер», предлагая секс как спорт, как лекарство и просто как средство от скуки, меняя партнёров как маски в этом карнавале развлечений. Но и во мне, и в Алише звучало Некое тихое предупреждение, не позволяющее вот так просто, по сигналу инстинкта, вовремя схватить «сексуальный гамбургер». Это Нечто внут-

ри нас не позволяло быстренько раскатать нашу дружбу в постельном белье. Конечно, это был опыт наших душ, безмолвно шепчущий нам, что страсть и привязанность к объекту страсти – это очень серьёзное испытание и чаще всего – это путь к ещё большему страданию, чего мы наверняка уже сполна хлебнули в прошлых воплощениях. (Здесь вы, дорогой читатель, правильно угадываете, что я верю в перевоплощение душ, – не то слово «верю», можно сказать уже знаю, кое-что вспомнил! Но об этом чуть позже.) Пока что, всё, что мы себе позволяли – это нежные, сдержанные ласки, когда Алиша оставалась ночевать у меня, хотя обоих аж трясло от страсти. Кроме прочего, мы часто мечтали о том, как однажды нам окончательно удастся убрать все эти остатки животных проявлений, то бишь – чувства, и своё счастье «сверхчеловека» мы найдём... расходясь по разным монастырям. Вот такими смешными мы были, – играли в прятки со своими чувствами; например, я хорошо помню, как мы долго смотрели на одну фотографию, которую нашли в старой книге по судебной медицине. (Мы тогда усердно изучали и Фрейда, и всё, что связано с психологией.) Так вот, на этой фотографии был зафиксирован редкий случай двойного суицида, – где-то в Австрии, в периоде между двумя войнами, – парочка молодых влюблённых повесилась в одной петле. Они оставили записку, благодаря которой судебная медицина «обогатилась» ещё одним уникальным проявлением мотивов самоубийства, – эти молодые люди в своей посмерт-

ной записке объяснили, что не хотят пачкать свои высокие чувства проявлением животных инстинктов. Мы с Алишей хорошо понимали эту парочку, когда долго смотрели на потёртую чёрно-белую фотографию в старой книге...

И вот что произошло этим памятным весенним днём. Я сидел возле окна, своего домика, который смог выкупить во времена приватизации лихих 90-тых годов. Это был небольшой старенький деревянный домик на окраине Вильнюса, который я начал обустраивать как «Центр медитации». Дальше стелился сосновый бор с правительственными дачами. Вполне хорошее местечко. Вот-вот должна подъехать из города Алиша...

...Помню тот день, – как тихо за окном шумели сосны. В небе солнце играло в прятки с облаками – то засветится обжигающе ярко, как бывает ранней весной, то опять скроется в тумане облаков. И кажется тогда, что весь мир окутывается в пелену городской дымки: деревья, торопящиеся мимо прохожие со своими маленькими проблемками, троллейбусы и дома, общественные учреждения и политические партии, и даже вдохновение поэтов, всё-всё кажется скованно этой желеобразной липкостью серого тумана. «Вот она – атмосфера современного города, – думал я, – а между тем душа человека страдает, ещё как страдает, каждая по отдельности в своей изолированной клетке ледящего одиночества.» С И С Т Е М А! ГОСУДАРСТВО – как проявление высшей формы национального самоосознания, – трубили га-

зеты, вновь приобретшей независимость республики. И мои статьи, в которых я призывал отказаться от создания собственной армии, провозглашая нейтралитет страны в области международных отношений, не пользовались популярностью. Система в очередной раз меняла форму; говорили – на форму более цивилизованную, на самом деле – на форму более холодного расчёта разума, с внешне привлекательной обёрткой, под которой душа человека томилась в том же одиночестве, тем хуже переносимом на фоне витринного блеска. В общем, это и значило более цивилизованно... Вот такие грустные мысли крутились в моей голове, когда в дом вошла Алиша.

– Привет! – нежный голос любимой вернул меня на землю. – Я не одна. Знакомься, это Юрис. – Вместе с ней вошёл худоблененький молодой человек с длинными, неухоженными волосами.

– Дарунас, – неохотно протянул руку хипейскому парню, предложив ему место на диване. Сам опять свалился в кресло напротив окна, уже не зная сожалеть или обрадоваться тому, что моё уединение нарушено. Диск солнца в очередной раз выскочил из-под серой массы облаков, засветив мне прямо в глаза. В синеве засеяло яростью огня Светило Земли, напоминая о том, что силы природы не подвластны С И С Т Е М Е. И однажды сражение их неминуемо...

– Юрис иногда приезжает из Риги, – тем временем докладывала Алиша. – Мы познакомились в центре «Русской

культуры». Помнишь, месяц назад я рассказывала тебе о человеке, который несёт весть об Учителе из России. На этот раз я решила пригласить Юриса к нам в гости. А вот и твой заказ. – Алиша достала из своей сумочки бутылку «Кагора».

Юрис от вина отказался, и вообще он – веганец, как и все последователи Учения. Он показал книгу своего Учителя и кассету «со словом», – как он выразился на своём «очаровательном» акценте латыша, говорящего по-русски. (Хотя я коренной литовец, сильный акцент этого парня даже мне резал уши. «Неужели, мой русский звучит так же безнадежно», – мелькнула мысль.)

– Как зовут Учителя? – поинтересовался я, перелистывая тем временем страницы книги в хорошем переплёте. На обложке позолоченными буквами блесело претензионное название – «ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ».

– Виссарион, – последовал ответ.

– Не слышал такого...

Юрис много говорил про создающуюся Общину Виссариона, где люди в далёкой Сибири не кушают ни мяса, ни молочных продуктов, стараются жить в гармонии с природой, и скоро всё остальное общество, построенное на идеалах научно-технического прогресса, по убеждению этих людей, должно будет перестроиться именно по такому образцу общинной жизни на земле. Мне было приятно слушать эту сказку, наслаждаясь сладко-вяжущим вкусом любимого вина. Про себя я, конечно, улыбался от романтической наивно-

сти Юриса и его соратников, но по мере того, как мне в одиночку приходилось опустошать бутылку «Кагора», – Алиша алкоголя не употребляла вообще, – он мне казался милым человеком.

Дело в том, что последние три месяца, стараясь постичь глубины медитации, я ни с кем не общался за исключением самых необходимых фраз, которыми обменивался с Алишей. В тот день я выходил из этого состояния уединения, по этому случаю-то и «Кагор» мне понадобился. Полной самореализации, на Востоке именуемой Нирваной, как вы уже поняли, я опять не достиг, – был по-прежнему нервным и раздражительным. По моему тогдашнему убеждению, полного Просветления достигали лишь единицы в истории человечества, и надеяться на массовый, общинный подвиг победы духа над материей, что собирались осуществить эти люди в далёкой сибирской Общине, было бы крайне наивно. А если они собирались для других целей, – это меня мало интересовало. Я сам лишь иногда вкушал мгновения полной ясности сознания, то, что называется Самадхи, и эти мгновения было то, ради чего стоило жить! Но они вновь и вновь улетучивались в мелочах повседневной суеты; я вновь и вновь невероятными усилиями духа открывал чакры, вновь и вновь направлял энергию нижних центров вверх, достигал кристальных чистот разума, где больше нет ни верхов ни низов, подолгу просиживая в позе Лотоса, невопрошающим ожиданием вымаливал Самадхи, – этого

состояния полной прозрачности и ясности сознания, (и отчасти это получалось; были моменты, когда я чувствовал себя неотъемлемой частью всего окружающего, как Единой Энергии). Но когда я вставал с коврика, пытаюсь в повседневных действиях воплотить ЭТО СЧАСТЬЕ, моё сознание опять и опять застревало в пучине мелких бытовых проблем. Коротче говоря, к своим 37-ми годам я так и не смог реализовать то, что назвал принципом Тотальной Медитации и, как уже говорилось, оказался в кризисе. Медитация как наркотик – чем глубже в неё погружаешься, достигая в своём мозгу ЦЕНТРОВ СЧАСТЬЯ И БЕЗПРИЧИННОЙ РАДОСТИ, тем тяжелее переносится обыденное, так сказать, бытовое сознание, в котором обычно мы продремаем всю жизнь, – это как ломка после дозы наркотиков. Да, кое-что мне открылось. У меня открылся так называемый «третий глаз», я даже вспомнил своё предыдущее воплощение – отшельника в тёплом Индостане, но радости от этого не прибавилось. Поведенческие программы подсознания людей, которые тотчас предстали пред моим взором были ужасны. Эти эго-программы были безумны, нелогичны до абсурда, и всё же, именно они обуславливали принимаемые решения. Но самое страшное было то, что я и сам действовал также в рамках этих эго-программ. То есть, я уже видел, что когда только выхожу из состояния ПРОСВЕТЛЁННОГО САМАДХИ, я тут же падаю в гнилое болото, – то есть обратно погружаюсь в поле эго-программ, в старые привычки, – и любое

моё действие в попытке выкарабкаться из этого болота каждый раз вызывало эффект обратный – лишь к ещё большему погружению в грязь. В повседневной жизни это выражалось тем, что я видел – за каждым моим «добрым» поступком обязательно стоит какая-нибудь эго-программа. Обязательно! Де, устремился совершить что-то доброе, и тут же наблюдаю, как из-за угла хитро улыбается моё второе «я»: «ты чё, приятель, собрался доброе дело сделать?», – такая кривая, очень неприятная улыбочка; и тут же, какая-то мощная сила отбрасывает меня назад, в общую колею эгоистического поведения всех окружающих, и неважно – это «доброе дело» я всё-таки сделал или нет, всё равно, внутри себя я уже знаю, что ничего хорошего у меня не получилось! В лучшем случае, я опять был лишь хорошим актёром. Прямо какое-то безумство, Достоевщина, как модно сейчас говорить!

Но человек такое существо – оно ко всему привыкает. Так и я, понемножку начал к этому состоянию «болота» привыкать; помог и тот же Достоевский, и другие «мои заочные друзья», как я их называл. Перечитывая их, я находил описания похожих внутренних состояний, и мне было приятно, что я не одинок в своём безумстве. (А фразу своего любимчика Фридриха: «все кругом только тем и озабочены: что бы ещё притащить себе домой», я выписал на отдельной бумажке и повесил над своей кроватью.) Надо ли говорить, что я презирал всех тех, кто ежедневно ходил на работу, которую, в большинстве своём, они не любили, но которая приносила

деньжата. Это состояние добытчика я презирал и в себе самом, и в других, и жил в гордом одиночестве. Хотя и в нищете. Погрузившись в медитацию я, конечно же, безумно любил весь мир и всех людей, потому, что я всё ещё оставался большим романтиком, но это была любовь по большей части абстрактная; в реальности же она почти никак не проявлялась. Кроме тех занятия по медитации, которые я проводил среди творческой молодёжи, в основном это были студенты из Академии живописи, больше ни чем полезным для общества я не занимался.

Я считал себя начинающим трезветь среди пьяных, и часто говорил Алише: «Видишь ли, я уже не могу впасть в то детское состояние неосознанности, в котором купается множество окружающих нас сограждан», – и она верила мне. Потому что была мудрой девушкой. И ещё: мой медитативными практиками расшатанный ум легко поверил во всемирную теорию заговора. В одной своей статейке, которую, естественно, не хотела печатать ни одна серьёзная газета, я написал: «Однажды человеческое общество породило СИСТЕМУ, которая, как некий ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СГУСТОК ТЁМНЫХ СИЛ, функционирует безотказно, потому что все участники этой СИСТЕМЫ, то есть люди, являются носителями и рабами своих эго-программ, через которые они и подсоединены невидимыми проводами к СИСТЕМЕ. Все мы соединены меж собой таким образом, что этот МОНСТР, в случае чего (если какой -то безумный гражданин, всё же

взбунтуется) мгновенно реагирует на сбои в своих владениях, тут же протягивая свои щупальца, (то бишь, направляя сумму энергии неосознанных граждан на подавление очага бунта), чтобы исправить мелкие нарушения в отдельных частях своего ОРГАНИЗМА. Поэтому, больших сбоев и не бывает. (Революции разного толка включены в программу этой СИСТЕМЫ!) Бесчувственная машина, пожирающая тончайшую энергию самосознания людей работает безотказно. Но есть исключения среди некоторых индивидов. Непонятно откуда, на генетическом уровне появившиеся так называемые дивергенты. Это мы – те просыпающиеся, которые узрели весь абсурд происходящего. Мы также видим и то, что отдельные исполнители, – своего рода винтики и гайки СИСТЕМЫ, – каждый по отдельности могут быть даже в чём-то приятными людишками, если их глубоко не затронуть. Можно сказать, они – невинны в своём невежестве, которое проявляется в страшной агрессии друг против друга, если чуточку всё-таки задеть их интересы; и особенно эта агрессия выливается на тех, кто начинает пробуждаться.»

Кстати, в то время на другой стороне полушария как раз создавался знаменитый фильм «Матрица», и вместе с создателями этого фильма я находился в том же энергетическом потоке, – для информационного поля Земли нет временных и пространственных ограничений. Но к тому моменту, мой «меч медитативной осознанности», если так можно выразиться, был недостаточно отточен, чтобы видеть все мель-

чайшие провода, все магистрали и шланги, которыми МАТРИЦА осуществляла управление общественным сознанием, поэтому я был не уверен насколько реальна картина, которая открылась перед моим взором. Естественно я часто сомневался, неделями пребывал в отчаянии: возможно это моё видение – всего лишь фантом, иллюзия, не имеющая к реальности никакого отношения, а я – безумец?! Мои «заочные друзья», книги которых я перечитывал по несколько раз, – все они так или иначе также замечали в первую очередь своё бурно разросшееся «эго», над которым они пробовали то шутить, то убежать от него в блаженство алкоголя, то ещё куда-то, но это «второе я» всегда их догоняло, и через «тёмные ущелья подсознания» МАТРИЦА опять и опять пробовала управлять даже избранными. Так что, были люди, которые осознавали всё современное общество, как слепок, как искусственный клубок эгоистов, который постоянно стремится рассыпаться; и от этого видения их жизнь невольно превращалась в трагичный фарс, потому что изменить что-либо не виделось возможным...

Меня в то время, кроме медитации, на плаву поддерживала лишь дружеская рука Алиши и некоторая порция вина, к которому я здорово пристрастился. И вот пришёл Юрис. Говорят, что когда-то на землях древних Балтов (*предки Прибалтийских народов: литовцев, латышей*) долго бушевала эпидемия чумы, а когда она закончилась население столь уменьшилось в числе, что когда люди на своём пути

встречали человеческие следы, они целовали эти отпечатки, как самые драгоценные знаки... Юрис в какой-то момент, когда моё сознание начало растворяться в блаженстве алкоголя, вдруг показался этим драгоценным знаком: он лил бальзам на мою душу, и мне было не так уж важно, о чём он говорил. Я чувствовал себя уставшим, мне осточертела даже медитация... Это мог быть и другой человек, (ну, попался Юрис), и другая тема разговора, (ну, рассуждал он об общине Виссариона), – так на мосту случайный прохожий, заговорив о самых простых вещах (например: «какой чудесный сегодня вечер, не правда ли, молодой человек?»), останавливает прыжок самоубийцы. Я видел прекрасные глаза Алиши, с экрана нашего старенького «видика» говорил симпатичный молодой Виссарион, говорил про любовь, и, по мере того, как опустошалась бутылка «Кагора», я смог и вообще расслабиться (а это редкий случай в моей тогдашней «заумной» жизни), и приблизиться к ощущению того простого, земного счастья, к которому стремятся все обычные люди. Но это длилось недолго.

«Избранный уже никогда не сможет войти в мир наивной непосредственности», – шальная мысль быстро вернула всю тяжесть моего бытия. Когда Юрис ушёл, у нас с Алишей состоялся вот такой отрезвляющий разговор:

– Ты давно знакома с этим учением Виссариона? – спросил я.

– Месяц назад в центре «Русской культуры» я встретила

Юриса. Он дал мне почитать книгу своего Учителя.

– Что ж ты раньше мне об этом не рассказывала?

– Я говорила, не помнишь?!. Дарунас, ты часто не слушаешь всего того, что не вписывается в твою картину медитативного мира.

– Почему книгу не показывала?

– Хотела показать, но ты отказался. «Всякой ерундой нет смысла забивать свои файлы», – вот, что ты говорил. Опять не помнишь!?.

– Я помню всё, что нужно помнить! – У меня начались появляться явные нотки недовольства, и Алиша это уловила.

– Дарунас! Посмотри в каком состоянии ты находишься! К тебе невозможно подобраться – ты стал до такой степени раздражённым, ты злишься на всё и вся!

– Ну, ну... и дальше?

– Я, в отличии от тебя, прочитала «Последний Завет», и собираюсь ехать в Общину.

Я с тревогой ощутил, как последняя нить, связующая меня с жизнью, начала обрываться, – рука Алиши как будто выскользнула из моей, – она потянулась к далёкому Учителю.

– Ты покинешь меня? Оставишь одного против МАТРИЦЫ? – Я наблюдал, как во мне поднимается эго-слезливая гадюка жалости к себе из набора программного обеспечения СИСТЕМЫ в сто крат мощнее любого «виндоса»; наблюдал, но не было никаких сил противостоять ей.

– Ты бредишь, милый! Нет никакой МАТРИЦЫ, это всего лишь фильм, твоя голова слишком переполнена знанием. Открой своё сердце! Поехали вместе к Учителю Любви! – Она подошла ко мне совсем близко, взяла мою руку в свою маленькую ладонь и прижала к своей груди. Но я, точнее эго-слезливая гадюка во мне, оттолкнула её... Алиша заплакала. Мне даже «Кагор» стал противным... Несколько минут Алиша плакала. Потом начала говорить: – Дарунас, миленький, ты хороший, добрый человек. Но тебе сейчас нужна помощь. Ты многое осознал медитируя, и поделился со мной. Ты был моим учителем, но ты не дошёл до конца по этому пути самопознания. А природа мстит каждому, кто попытался приоткрыть Её тайны.

– Ты хорошо усвоила мои уроки. – С этим нельзя шутить. Нужна окончательная победа. Где-то в своей медитации ты запутался. И в одиночку тебе не справиться. Сейчас твои нервы расшатаны, и можно сказать, ты болен. Той любви, про которую говорил, ты больше не излучаешь. Вот почему многие из твоих учеников покинули тебя. Ты начал излучать гнев и раздражение, хотя твои речи по-прежнему на слух сладки, но это уже пустая интеллектуальная игра. Я помогу тебе, и мы пойдём дальше.

Увидев в каком тяжёлом состоянии я нахожусь, Алиша добавила:

– Или, если тебе так лучше – ты поможешь мне... Просто надо признать, что наш поиск зашёл в тупик. Пойми,

Учитель даст нам недостающее. Хоть раз доверься мне! – Ну и катись к нему! – Я не верил, что такое могу произнести своей доброй, милой Алише, но вырвались именно такие безжалостные слова. Она вновь плакала...

– Мы должны ехать вместе! – через слёзы выдавила она, но я продолжал: – У меня не может быть Учителя, хотя у каждого я могу чему-то поучиться, ты это прекрасно понимаешь! – Дарунас, тебе сейчас просто очень больно, – умоляла Алиша. – Больно!? Да что ты знаешь про боль? Про боль обнажённых нервов! Когда тебя растаскивают за эти обнажённые нити! Растаскивают на куски самые близкие люди. Это и есть суть проявления МАТРИЦЫ! Она действует из-за угла: когда ты открыт казалось бы самому лучшему другу, в самой доверительной беседе; вдруг обнаруживаешь, что из него протягивается щупальца МАТРИЦЫ. И ты не успел опомниться, как этот жадный кровосос в лице твоего лучшего друга впитывается в твою сонную артерию! От неё не укрыться и не сбежать, она всепроникающе!.. Но наверняка и у МАТРИЦЫ есть слабые места. И я их найду. Алиша плакала... Но плачь её потихоньку начал переходить во что-то иное... что-то не совсем обычное. Вдруг я увидел, как лицо Алиши начало меняться: сначала оно стало каким-то пугающе смертельно бледным, потом пробил румянец, который всё ярче раскрасил всё её лицо. Но самое необычное и самое странное было то, что все последующие минуты она сохраняла абсолютное спокойствие. И эта успокаивающая

нежность перетекала ко мне. Вдруг я ощутил, что Алиша становится проводником неких могучих сил природы, которыми, как я потом убедился, владеют только женщины. Они способны более легко отказаться от СВОЕГО ЭГО. И тогда возможно всё: как птица Феникс любящая женщина способна принять смерть, чтобы потом воскреснуть, и воскресить своего возлюбленного. Глаза Алишы говорили: «Я просто тебя люблю». И это было без сомнения так. Моя боль начала отступать. Я почувствовал своё раздражение как энергию, как свою собственную энергию, и тут же эта энергия ненависти – к почему-то враждебному ко мне миру! – начала перетекать в энергию любви. Щупальца МАТРИЦЫ отвалились. Я подошёл и обнял Алишу, она обнимала меня. Было легко и радостно. Мы обнимали весь мир, любили его, на мгновение он перестал быть враждебным. Мы были победителями, на время МАТРИЦА отступила...

На следующее утро я начал понимать, что путь, который приведёт к победе над МАТРИЦОЙ, сейчас лежит через Сибирь, и насколько тесно этот путь связан с моей женщиной. На этой точке линии наших судеб никак не должны расходиться. Да, мы едем вместе! – Долгие месяцы, когда друзья и ученики один за другим оставляли меня, Алиша продолжала находиться рядом. Это была могучая жертва, которую она положила на алтарь наших чувств. Жить с таким раздражённым человеком, каким в тот период жизни был я, возможно было только имея большую силу любви. Я проникся

желанием отблагодарить эту удивительную женщину.

Ну что ж, посмотрим, что это за Учение нас ждёт в Сибири, у подножия великих гор (*так в древности именовали массив гор центральной Азии: Алтай, Саяны*). Что приготовил для нас этот, как его... Виссарион? Ну а МАТРИЦА подождёт своего часа, – пока я не был готов сразиться.

Глава 2

Знаки на пути

«И самый длинный путь начинается с первого шага»

Китайская пословица

Некоторое время ушло на оформление виз, где было отмечено, что на территории России нам разрешено находиться не более трёх месяцев. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться – что же там происходит в далёкой Сибири. В начале апреля, то есть всего через месяц после того, как Юрис принёс весть о Свершении, мы уже были готовы отправиться в путь. Трудовая деятельность, которой я занимался в качестве учителя по медитации, в СИСТЕМЕ не была особо востребованной, поэтому мне не приходилось отпрашиваться с работы или ждать отпуска. С СИСТЕМОЙ я был связан минимально, поэтому в любой момент мог двинуться куда угодно, как вольная птица. Правда, плата за такую свободу, которую я ценил больше всего, была высокой: лишь мизерное количество фантиков (то бишь денег) мне удавалось как-то добывать случайными заработками. Между прочим, я подрабатывал в том числе и статистом-позировщиком в Академии

Живописи, где, используя свои навыки по сосредоточению, надолго замирал в требуемой позе, пока студентки тщательно прорисовывали в своих мольбертах все детали моего обнажённого тела. Для меня это было упражнением, ведь в молодости, ещё в школе я был очень застенчивым мальчиком, который краснел безо всякой причины. Я мог, допустим, покраснеть за того, кто стоял у доски и не мог ответить на вопрос учительницы, – то есть я краснел за других, не говоря уже о ситуациях в которые попадал сам. В кругу мальчиков подростков надо мной подшучивали, когда один, показывая на меня пальцем, неожиданно проговаривал: «А давай-ка ты сейчас покраснеешь!» И я краснел... Все смеялись, мне было до жути неловко, но я не мог ничего сделать, и краснел... Я краснел и тоже смеялся вместе со всеми. Обиду на своих друзей я не носил, просто понимал, что нужно что-то с этим делать. И я боролся внутри себя, делал всякие неприсущие шаги; и если я стеснялся своей наготы, значит – я должен был позировать перед студентками Академии!.. Так что, ехать в Россию мы собрались достаточно быстро; Алиша также была в то время почти свободной: она заканчивала Вильнюсский университет, кафедру славянской филологии, и как раз в те дни писала дипломную работу, которую решила закончить уже в пути. Кстати, её работа называлась «Русский мат: этимология и семантика нецензурных выражений», думаю, об этом мы ещё поговорим... Ехать мы решили поездом, потому что на самолёт нам не хватало денег. А умение терпели-

вождать – это одно из основных качеств, которую я приобрёл медитируя, и которой учил тех немногих, кто был готов вместе со мной спускаться на самое дно своего подсознания, чтобы вернуться оттуда с... ещё большей печалью. А кому нужна печаль?! Хотя – это правда: чем глубже нырнул, тем более тонкие законы мира открываются. И ничего нового я здесь, не открываю. Говорят: «Познай себя, и ты познаешь весь мир,» – но, всегда забывают добавить: «И тем больше печали ты познаешь». «Жизнь – это страдание,» – говорил ещё Великий Буда.

В Москве мы пересели на другой поезд, и когда перекатили Уральский хребет, загадочная Азия подала нам свои знаки. Надо сказать, что я был приятно удивлён тем уровнем российской действительности, в которую мы так неожиданно въехали. В моём представлении, в этой большой стране, особенно в зауральских просторах Сибири, жизнь общества должна была протекать в своём первозданно-диком виде. Я готовился увидеть чуть ли не картины из фильмов о «диком западе» времён освоения Америки, где на состав могут напасть индейцы (в русском варианте: какие-то предки местных племён, воинов Чингиз-хана), а в самом поезде пьяные, ну не ковбои, а русские уголовники со сплошь татуированными телами, устраивают дикие драки. К счастью, ничего похожего мы не встретили, и никаких приключений в поезде не испытали. За окном мимо нас проплывали города, правда, необычно гигантских размеров. Я видел, необычную

для меня, огромную массу населения, и представлял грусть одиночества в глубине каждого. Это были такие же люди, и не важно, что их скопления непривычному взгляду казались гигантскими. Люди везде были одиноки. Хотя никто этого одиночества в сердце своём вам не выдаст, да и сам себе часто в нём не признается! Страх! – вот что движет населением: лучше уж со всеми как-нибудь дожить, хоть в МАТРИЦЕ, хоть суррогатом неистинных чувств переполненным, да зато вместе, дружно со всеми... А так, на внешнем плане всё было о'кей: стелились асфальтированные дороги, а по самому поезду часто ходили строгие милиционеры, внушавшие доверие к порядку. И всё же был один, особый штрих русской действительности того времени, когда люди учились выживать по новым правилам рыночной экономики. Страна была похожей на большой базар, люди учились продавать, – для многих это было и непривычно, и стыдно. Но это был единственный способ выжить. По поезду также ходили всякого рода продавцы. Продавалось всё, что только можно было продать: пирожки, детские игрушки, шерстяные свитера, книги, бижутерия, дорогие сервизы и многое другое... Книгами торговали глухонемые. Через них-то и проявился первый знак. Двое мужчин среднего возраста ходили по поезду, разнося литературу эзотерического толка. Я с некоторым интересом наблюдал за ними, как они переговаривались между собой языком жестов. Полчасика назад они ушли в конец поезда, и сейчас возвращались обратно. Один шёл несколько

выдвинувшись вперёд, раскладывая книги на столиках перед пассажирами. Второй двигался вслед за ним, знаками предлагая что-нибудь купить, но чаще всего ему приходилось безмолвно собирать свой товар и уносить дальше. Покупательная способность населения в эти годы депрессии в стране была весьма ограниченной.

Когда глухонемой выложил перед нами свои книги, мой взгляд, лениво блуждающего пассажира дальнего следования, проскользнул по обложкам. Вообще-то, к тому моменту своей жизни я почти перестал читать книги. Поупражнявшись в самонаблюдении, начинаешь понимать важность незагромождённого ума. Всю инфу можно получать прямо из пространства, а её качество зависит только лишь от тонкости настроя инструмента, то есть психики. Когда глухонемой выложил перед нами свои книги, я заметил, что моё внимание всё же застряло на одном названии. Оно как будто было подчёркнуто для меня. Мне показалось это странным, как и всё, что произошло потом, в течении нескольких минут. Книга называлась: «Тайное знание народов Северной Европы. Руны против МАТРИЦЫ». Когда подошёл второй мужчина, я уже пристально глядел на книгу. Увидев мою заинтересованность, он присел рядом. Кроме нас с Алишей в купе больше никого не было. Притом Алиша дремала на верхней полочке.

Тут и случилась эта интересная штука превращения. Мужчина вдруг достал из кармана какую-то смешную шап-

чонку в сине-красных квадратиках и натянул себе на голову, превращаясь в средневекового шута-джокера. В следующее мгновение «глухонемой» заговорил, и при том заговорил на манер старославянского какого-то возвышенного стиля:

– Барин и барышня едут с необычной миссией. Позвольте-с погадать на рунах. – Позволяем, – сквозь сон пробормотала Алиша, даже не открывая глаз. И это мне тоже показалось странным, так как потом она лишь смутно смогла вспомнить весь этот эпизод. Да и я потом засомневался: случилось ли это на самом деле или являлось плодом моего воображения, игрой подсознания, когда уставший от длительного путешествия впадаешь в состояние между сном и явью. Кстати, это промежуточное состояние очень интересно само по себе, и даже последнее время появился такой модный вид медитации: Тэта-медитация – слышали такую? – медитация на пограничном состоянии – между сном и явью. Как бы там ни было, у меня на сей счёт есть своё твёрдое убеждение: и наши мечтания, и сон, и разные ощущения, которые мы испытываем погрузившись в медитацию – это всё наше, родное, всё живёт внутри нас, ожидая своего часа, чтобы, выходя однажды наружу, удивить нас и всех окружающих... А загадочный шут в то время стал нашёптывать мне на ухо странные слова: – Итак, друзья, вы едете в секту Виссариона. И вам конечно же известно, что согласно правительственному докладу, эта секта считается тоталитарной и са-

мой опасной сектой для государства среди множества других проявившихся сект в наше смутное время. Но нам это не так важно, не правда ли? – Он как-то даже попытался подмигнуть мне одним глазом заговорщика. – Мы ведь не собираемся стоять на страже закона. Хотя... как посмотреть, мы ведь тоже являемся своего рода стражами, но стражами закона более тонкого, астрального мира, не правда ли, Дарунас? – Он неожиданно произнёс моё имя, и это ещё сильнее меня напрягло. – Вообще-то, ещё лучше, что секта, в которую вы отправляетесь оказалась самой-самой!.. схе, схе, схе, – он противно захихикал, – как говориться в правительственном докладе – самой тоталитарной. В этом случае – чем хуже, тем лучше! – Он многозначаче поднял свой указательный палец вверх, и опять отвратительно счихикнул. – Постой приятель, – я сделал попытку остановить странного собеседника, – говори прямо, что тебе нужно, и вообще, кто ты такой, и откуда знаешь моё имя?! Но для этой сущности сказать что-то прямо, видимо, противоречило его сути. Да, да! – Этот шут в смешной шапчонке в сине-красных квадратах сейчас уже больше напоминал не человека, с ясными очертаниями лица, границами тела, а именно какую-то расплывчатую сущность, астральное облако, которое то растекалось в состояние болота, заманивая туда и собеседника, то опять конденсировалось вокруг очертаний некоего человека-змея, который продолжал изливать свой яд сладким голосом бога Локки (*бог чёрного юмора в древнескандинавской*

мифологии).

– Имя?.. Имя твоё разгадать на нитях Рун, которые тончайшим узором пронизывают всё материальное Бытие, не составляет труда и начинающему волшебнику. А у меня, мил друг, есть опыт. Опыт веков! —

Он сделал знаменательную паузу, а потом продолжил:

– Да-Рунас. На тонком плане это значит – Тот, Кто Владеет Рунами. А откуда я это знаю – лучше не задавайся этим вопросом. И про то, о чём ты думаешь больше всего, я тоже знаю. Да, да – МАТРИЦА! Она существует, она реальна! Но про это мы поговорим как-нибудь в другой раз. А сейчас, просто поверь, что есть ещё в мире мастера своего дела, – он опять хихикал... – Так слушай, что я тебе скажу, – он наклонился ко мне ещё ближе. – Семь лет ты будешь мучиться в этой мясорубке секты. А когда пройдёшь чистилище, ты приобретёшь качества настоящего воина, ты будешь готов получить знания, сокрытые в твоём имени. – Как мучиться?! Я не собираюсь мучиться! Какие знания? – я сопротивлялся чувствуя себя прижатым в угол.

– Знания, сокрытые в глубине веков... Знания о тайной силе Рун... ДА-РУНАС – тот, кто Дарит Руны. Но сначала ты должен осознанно овладеть техникой Рун. Пока что ты – лишь потенциальный Владыка Рун. Запомни это... – Здесь голос этого змея начал слабеть. – Мы ещё встретимся... – услышал последние слова, и стал свидетелем того, как мой собеседник начал таять, а вскоре и вовсе захлебнулся в жиже

собственной лужи, в которую растеклось астральное облако только что сидевшей передо мной твари. Когда я пришёл в себя, то увидел, что стопка книг всё ещё лежит на столике. Я начал перебирать, но той, с подчёркнутым названием уже не было. На полу передо мной быстро испарялись последние капли лужи. Когда подошёл второй глухонемой, и молча стал собирать книги, мои нервы не выдержали – я вскочил на ноги; какие-то сумбурные слова полетели из моих уст на бедного глухонемого. Я кричал и про книгу, и про дурацкую шапочку. Но глухонемой только жал плечами и непонимающе качал головой. Взволнованный я чуть было не вцепился ему в грудь, захотелось хорошенько потрясти этого мерзавца. Но тут открыла глаза Алиша:

– Palik jį ramybėj! Jis čia niekuo dėtas. Užplikyk prasau arbatos.

(здесь на литовском: – Оставь его! Он тут ни при чём. Сделай чай, пожалуйста.)

Сказала она слезая с верхней полочки.

Я сел на место и успокоился, понимая, что этот жизнью забитый мужичок к странному гостю, только что посетившему нас, не имеет никакого отношения. Глухонемой тем временем поспешно сгрёб свои книги, испуганно подглядывая то на меня, то на Алишу, и быстро удалился. Я принёс кипяток, и за чаем мы с Алишей обсудили случившееся:

– Tu miegojai?

– Pusiau. Ta būtybė slopino mano sąmonę.

– Aisku. Kažkas pasinaudojo kurčniabylio astralu. Regis, esame sekami.

– Panasu, kad taip.

(на литовском: Ты спала? – Наполовину. Эта сущность тормозила моё сознание. – Понятно. Некто использовал астрал глухонемого. Кажется, за нами следят. – Похоже, что да.)

Второй знак пришёл в виде сна. В последнюю ночь нашего длительного путешествия в душном вагоне я долго не мог заснуть. Всё думал, что нас ждёт на новом, незнакомом месте, строил какие-то планы... Под утро провалился в глубокий сон. И вот снится мне, что я – участник чайной церемонии на территории какого-то замка в средневековой Японии. Мы, двое гостей, сидим в маленьком Чайном домике на окраине владений феодального замка, где строго убранный парк переходит в дикий лес. Стоит зима. Деревья покрыты толстым слоем дальневосточного снега, на чёрных скалах также висят белые шапки. Чёрно-белый пейзаж... Если провести линию, – подумалось во сне, где белый снег соприкасается с чёрным цветом скал, получится тонкий переплёт, иероглиф – загадочный знак страны вулканов, которые пока отдыхают под толстым слоем снега. И только дымящаяся вершина Фудзиямы напоминает о тайне великой силы огня, таящегося в недрах земли...

Мастер Чайной церемоний пока стоит к нам спиной, и что-то перебирает в своих нехитроумных инструментари-

ях: миски, чайничек и коробочки, в которых замкнуто волшебство отрезвляющего напитка. Его строгое чёрное одеяние в стиле дзен-монаха, и начисто бритая голова, как будто ещё раз подчёркивают – ничего лишнего здесь не должно быть. Единственная мысль, которой дозволено пока витать в пространстве Чайного домика – это мысль об... отсутствии мыслей. Мы, два гостя, сидим напротив друг друга скрестив ноги на маленьких специально для ритуала предназначенных скамейках, почти на полу, и пропитываемся духом отсутствия мыслей, исходящим от терпеливой спины хозяина церемоний. И хотя наши глаза слегка опущены, происходит глубокое исследование друг друга ...И долгое молчание уже висит между нами. И ещё большим терпением испытывает нас спина дзен монаха, потому что на тонком плане продолжается сражение. Два воина, два самурая, продолжают бороться в своих умах, две энергетические оболочки соприкоснувшись друг с другом по инерции стараются одолеть друг друга – таков закон материального мира, такая традиция. Но здесь, в Чайном домике происходит ритуальное сражение. Это – исследование на прочность закалки меча осознания, лёгкий массаж для укрепления психики воинов: Дзин, дзин – мыслеформы отскакивают от доспехов астрального плана, созданных нашими умами. – Дзин, Ддзин, – усиленные двойной энергией осознания, мыслеформы бегут по спине монаха в чёрном, стремительным вихрем резко разворачиваются, скользя по его бритой голове, и медленно,

но с ещё большей силой возвращаются в точки сборки дань-тяней его гостей. (*Дань-тянь – место силы в человеческом организме, чуть ниже пупка.*) Процессом общения, обмена и накапливания энергий руководит сам хозяин – Мастер Чайной церемонии. И вот наступает миг, когда энергий накопилось предостаточно – последняя мысль, в которую были согнаны все мысли этого печального мира, – мысль «об отсутствии мыслей» – наконец-то она сама взрывается. Мастер разворачивается к нам лицом, и... густое Безмолвие окутывает пространство. Оно – в полных чашках чая, Оно – в вяжущем вкусе волшебного напитка, Оно – в пустых чашках и в сдержанной улыбке строгого монаха... И тут лицо молодого самурая, сидевшего передо мной начало меняться; как иногда бывает во сне: снится один человек, а потом он вдруг перетекает в образ другого. Его губы сложились в мягкую улыбку, в которой всё больше проявлялись знакомые черты. Я почувствовал, что передо мной сидит хорошо знакомый человек. Но кто же он? И тут мы как-то одновременно подняли глаза, и наши взгляды встретились. И хотя наши умы по инерции всё ещё сражались, – наши сердца уже были открытыми. Да, сейчас уже не было никаких сомнений – передо мной сидела Алиша, такая же прекрасная и стройная, несмотря на то, что на ней была одежда воинствующего самурая. Наш поединок превратился в танец любви. В моём сне наконец-то мы перестали играть в прятки и уже не стесняясь своих чувств, выплёскивая из себя всё новые и новые

виды энергий, закружились в танце. В этом вихре вокруг нас уже кружились и чашки, и миски, и столик с волшебным напитком... В этот танец любви астрального плана был вовлечён даже монах, Мастер чайной церемоний. Он не ожидал такого поворота событий, и лицо его начало приобретать даже некоторые оттенки страха. Земного блаженства для монаха оказалось явно слишком много. Но вскоре его взгляд, а потом и рука потянулись в сторону окна, пытаясь донести до нас что-то важное. Мы с Алишей вслед за ним посмотрели в эту сторону. Там, за окном, цвела вишня! Вокруг всё было покрыто снегом, и лишь одна вишня прямо за окном стояла вся в цвету. Это было чудо! – Сакура! – шептали губы удивлённого монаха. – Сакура..., – повторяли мы вслед за ним...

Так я и проснулся глядя на блаженную улыбку монаха.

Некоторое время я ещё лежал с открытыми глазами осознавая этот вещий сон, как благоприятный знак для наших отношений с Алишей, когда наши сердца всё более открывались друг для друга. Потом почувствовал душноту. Вагон на этом последнем отрезке нашего пути уже был переполнен, в основном люди спали, кто-то храпел, пьяный мужик из соседнего купе кого-то ругал во сне. Было невыносимо жарко и отдавало потом. В том числе и от Алиши, которая лежала рядом. «Насколько возвышенна может быть человеческая природа, и насколько несовершенно пока ещё наше тело», – проскользнула мысль, когда я осторожно освобождал оне-

мевшую руку, стараясь не разбудить свою подругу. Но тут по вагону уже забегали проводники громко объявляя: – Абакан! Вставайте, товарищи пассажиры, через тридцать минут Абакан! Ранним холодным утром мы сошли с поезда.

Глава 3

Первые впечатления

Христос сказал: «Близко ко мне, близко к огню».

Из Абакана на обшарпанной электричке эпохи совка мы доехали до очень неприглядного районного центра Курагино, – этакой большой плоской деревни, коими усеяна вся матушка Россия. Многие города и поселения в этой огромной стране, с её чудовищными расстояниям, мне казались похожими друг на друга своей монотонностью и архитектуры, и стилем жизни её обитателей. Как будто всё в этой стране давным-давно погрузилось в какую-то спячку; и лишь время от времени, когда каким-нибудь очередным самонадеянным «покорителям мира» по типу наполеонов и гитлеров приходит в голову прогуляться по этой спящей стране, они вскоре убеждаются, что забрели в берлогу к медведю, – но зверь уже разбужен... Я порадовался тому, что нам не придётся прожить целых три месяца в этом неприглядном городке, который был построен заключёнными сталинского режима, так как Учитель с основными силами последователей, как выяснилось, уже двинулся дальше в таёжную зону, и в то время проживал в деревне Петропавловка.

На улице мы остановили одного местного мужика, и спросили, как нам отыскать Центр Учения Виссариона. Старик почесал репу, – видно было, что он чего-то не понимает. Потом убрал папирос из рта, дунул на нас дымом крепкой махорки и переспросил:

– Так вам нужны белые братья?

– Ну, наверное, да, – сказал я, подумав, что местные могут и так называть последователей Учителя.

– Паломники? – уточнил старик.

– Да, – подтвердил я, догадываясь что это как раз то, что нам нужно. Только после этого старик понял, Кого мы ищем, и показал направление, но посоветовал ехать на автобусе, «так как пешком будете час идти». Мы поблагодарили старика и сели на старый «пазик» под номером 2. И не пожалели, потому что этот безликий городище действительно был растянут наверное километров на 10. На окраине, возле большого деревообрабатывающего предприятия, окружённого ржавым металлическим забором, надпись на котором гласила: «Моторское», мы нашли центр «Церкви Последнего Завета». Это было одноэтажное серое здание бывшего общежития того же «Моторского». Всё было обшарпано, как и вся периферийная Россия... Нас встретили две женщины, хозяйки этого дома, где временно поселялись вновь прибывшие паломники. Пока мы стояли в коридоре, и они нас расспрашивали «что и как, откуда приехали», я успел заглянуть в глубь этого помещения. Коридор заканчивался большим

холлом, где располагалось человек пять. Интеллигентная парочка – мужчина и женщина, – сидели за столиком и пили чай. Двое бородатых мужчин стояли неподалёку, и усердно о чём-то спорили. Один из них, в приподнятой руке держал книгу в красной обложке, и я сразу понял, что это был «Последний Завет», потому что обладатель этой книги явно чувствовал в споре своё преимущество, когда время от времени постукивал указательным пальцем по красному предмету в своей руке. Ещё три женщины незаметно сидели по углам этого помещения... Хозяйки не торопились приглашать нас присоединиться к этой компаний отдыхающих паломников, а посоветовали что-то иное:

– Ребята, если вы не сильно устали, есть возможность прямо сейчас руками своими прославить Господа, пославшего нам Сына Своего...

«Ну конечно мы готовы,» – Алиша поторопилась выразить своё согласие. Я ничего не сказал. Хотя на самом деле мы были очень уставшими после утомительной дороги, и хотели хотя бы помыть руки и лицо. Но мы тогда только приступали к занятиям в «Школе Жизни», как потом определил Учитель всё происходящее вокруг Него. Мы были новичками, нам пришлось ещё пройти долгие месяцы учёбы и всякого рода испытаний, перед тем, как наше сознание стало правильно структурированным, а наш внутренний мир достаточно чистым, чтобы мы могли не стесняясь выражать свои чувства и желания, которые окружающим могут и не понра-

вителься.

А пока мы согласились, подавляя свои желания, оставили рюкзаки, и пошли, как нас торопились убеждать хозяйки, «тут не далеко, на помощь к Николаю, перетащить овощи из подпола в более прохладный погреб», и что «это займёт пол часа, не более», а «потом, ребята, вы вернётесь и мы все попьём чайку».

Ещё до отъезда в Сибирь, в ходе приготовлений, мы, конечно просмотрели весь тогда доступный видеоматериал с проповедями Виссариона. Где-то внутри я сразу почувствовал, что этот человек говорит правду. Было какое-то стопроцентное ощущение правды, исходящей из уст этого молодого человека в красном хитоне. Кроме того, я мог наблюдать белоснежную ауру, которая окутывала Его. А с этим не поспоришь.

Я уже говорил, что у меня было открыто в и д е н и е. Некоторые э т о называют третьим глазом, – впрочем, не важно как назвать, – я мог видеть астральный план человека, то есть место откуда берут своё начало все желания, даже те, которых человек не осознаёт и часто даже не подозревает, что они вообще у него существуют. А речь человеческая, как известно является лишь продолжением его внутренних, скрытых желаний. (В подтверждение этому – известная пословица: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».) Так вот, что я увидел, сканируя Его: в выступлениях Виссариона вовсе отсутствовали мимолётные, преходящие желания (эта-

кие мелкие хотелки, которыми кишат астральные тела обычных людей), а глубинные намерения Его были кристально чисты. Хотя, должен признаться – моему эго это очень не понравилось. Не нравилось то, как Он вёл себя. А вёл Он себя так, что окружающих время от времени обязательно вынуждало спрашивать: «Из того что Ты говоришь получается, что Ты Христос вновь пришедший, не так ли это?». И Он отвечал улыбаясь: «Ну, вы сами до этого догадались...»

Не нравился тот возвышено пафосный стиль, с которым я столкнулся, когда впервые открыл книгу Учения Виссариона «Последний Завет». Но в этой книге я не нашёл ни единой ошибки! Хотя до этого я читал Священные тексты Древнего Востока, и кое-что уже знал о законах победы человеческого духа над материей. Упражняясь в медитации, как уже говорил, я сам испытывал те состояния, которые известны под именем Самадхи или Просветления, и хотя это были лишь временные проблески сознания, но тем не менее... Наверное, дорогой читатель, своей болтовнёй про медитацию я уже сильно вам надоел, но, уверяю, если вы когда-нибудь окажетесь на моём месте и вас, как сейчас меня начнёт так распирать изнутри, что вы уже не сможете дальше хранить молчание, и однажды начнёте писать свои откровения сектанта, уверяю вас, вы также будете говорить лишь о том, что дорого вам. Вы сейчас, конечно, думаете, что вы не сектант, и никогда не собираетесь таким стать – потому де, и откровения такого не может появиться. Так вот, что на этот счёт я

вам скажу: «СЕКТА (это по словарю!) – это часть от целого», и мы все живём лишь в мире своего понимания какой-то части от Общего Целого потому, что всегда можно найти, так сказать, более Цельное от того, что вы подразумеваете Цельным на данный момент. (Теоремка такая в геометрии есть! – а с наукой ведь не поспоришь!) Когда я осознал, что живу в изолированном мире своего ума, оторванный от Целого, тогда уже во мне появилось желание исповедаться, написать «исповедь сектанта», – это намного ранее встречи с Христом во Втором Пришествии. И на самом деле, вот что я вам скажу: не так уж важно – является ли Виссарион Вторым Пришествием или не является таковым, и тяжело или прекрасно живётся в «секте Виссариона», а важно лишь то, как вырваться из тюрьмы, под названием УМ, потому что именно жизнь в уме это и есть сектанство.

Если вы, дорогой читатель, здесь чего-то не понимаете, так лучше отложите эту писанину в сторону. Без обиды, я пишу для Избранных. А кто такой Избранный? Об этом можно написать целый трактат, и всё равно не-Избранный равным счётом ничего не поймёт. А для того, кто созрел, хватит одного определения: «Это тот, кто хочет сойти с ума». Вот как правильно «сходить с ума», и не попасть в психушку, и не подсесть на наркоту, и не удариться в пьянство и т. п. – об этом я и пытаюсь вам говорить. В этом – вся суть медитации. Кстати, на счёт «избранности», – тут я готов с Виссарионом поспорить. Он говорил, что нет такого понятия,

как Избранность, «все вы избраны», и «только уста не обузданного эгоиста могут вопить об избранности». Однако если есть слово и з б р а н н ы й, так и смысл определённый несёт это слово. Ну и конечно, я никогда в открытую не стану спорить с Посланником, потому, как нужно понять, в каком контексте и кого ублажая Он это говорил...

И тут тороплюсь разъяснить дорогому читателю: что значит «сойти с ума»? А это как раз и значит прийти по-настоящему к уму. Потому, что этот эго-программами напичканный матричный умок – его сложно назвать умом, – это болезнь. А впрочем, что я вам тут болтаю очевидные вещи – после Кришнамурти и Раджнеша, всем умным людям это всё уже давным-давно должно быть понятным. Как дважды два! Конечно, каждый по-своему проболит свою болезнь. Тем не менее все наши болезни чем-то схожи. В других мы ищем отражения себя. Так что, если вам однажды также станет проблемой жизни номер один тюрьма вашего собственного ума, и вам захочется закричать от ужасного одиночества, в который загнал ваш изолирующий умок, излить свою душу в некой исповеди, то возможно однажды в сём откровении сектанта вы увидите отражение ваших же чувств. И только в этом, собственно говоря, и состоит весь смысл данной писанины. Но, кажется, в своём рассказе я опять уж совсем в сторону забрёл...

Итак, дальше. Конечно же, я продолжаю говорить о себе: я часто находился в медитативном состоянии спокойно-

го ума, но через некоторое время меня обязательно «прошибало», то есть обязательно находилась какая-нибудь мелочь, которая «зацепляла» мой чувственный мир, и я становился раздражённым и нервным, как глупый мальчишка. Потом я понял, что раздражение происходит от привязанностей, а привязанности, в свою очередь, это следствие наших чувств. Есть чувства – будут и привязанности, а коль привязан наш ум, хоть к одной, по тому же выражению Фёдор Михайловича, «слезинке невинно пострадавшего ребёнка» на этой многострадальной земле – жди страдания! Так что, вовсе и не был я таким уж смешным, когда говорил, что чувств в медитации не должно быть... Кроме того, в технике медитации всегда присутствует некий элемент расчленения, раздробления личности на части; своего рода «раскольничество». Это полезно, когда идёт борьба со своим «эго», когда раздробленный по кусочкам разум можно рассматривать как картинки фильма своей жизни, нажав на стоп-кадр в любом месте произошедшего. Но это приятное занятие самопознанием имеет свой предел и свою цену. Однажды приходит время, когда нужно вновь собрать «разбитый сосуд» своей личности. А на какой основе производить сборку, каким клеем скрепить отдельные кусочки своего разбитого «я», если чувства – этот натуральный клей всякой личности надобно (следуя логике медитативных практик) искоренять, – на эти вопросы философия Востока ответов, к сожалению, не даёт. Я видел в городе тех, кто особенно упорствуя в медита-

ции, потом сходил с ума (чаще всего с диагнозом – шизофрения, так сказать – «расколотый ум»), другие спивались, заканчивали жизнь самоубийством. (Кстати, в моей родной Литве самый большой процент самоубийств на душу населения. Такой вот печальный рекорд держится уже много лет. Ну, поочерёдно с Эстонией. Меня, наоборот, больше удивляет то, что большинство населения всё-таки приспособливается к СИСТЕМЕ, и как-то жизнь продолжается.) Это те, кто упорно шли до конца. Остальные были просто дилетантами, приспособливались, и любили лишь болтать «про медитацию, про духовность», – они оказывались живучими, как, впрочем, дилетанты во всех других областях жизни, которые и составляют основную массу общества. И ещё: медитация – это процесс пассивного наблюдения. И в самом лучшем случае адепт может «вытащить» в поле своего сознания картинку всех событий из жизни своего нынешнего воплощения, – и это предел, которого из всех медитирующих достигают лишь единицы. Но даже если и удастся достигнуть этого состояния, когда «прорабатываются» все запечатлённые картинки нынешнего воплощения (то есть, убирая обиды и прочий негатив, «штопаются» все дыры астрального тела), в подсознании останется нетронутым целый пласт впечатлений предыдущих воплощений, которые тяжёлым грузом ложится на адепта, и в конце концов обязательно утащит медитирующего на дно. Потому что негативные впечатления прошлых жизней будут не осознанны и поэтому ко-

варно и постоянно будут атаковать сознание достигшего такой, можно сказать, немалой глубины самопознания. Оказавшись в этой точке на пути духовного развития, в точке своеобразного тупика, единственным правильным решением остаётся принятие мысли о том, что в сути человека лежит не к а я Субстанция намного более тонкой энергетической структуры, чем картинка ума. В «Последнем Завете» эта тончайшая энергия в сути человека названа – д у ш о й. В Учении Виссариона именно эту мысль я проглотил, как свою собственную, – я сам почти дошёл до этого, поэтому уже был готов принять её. Как и те основные положения Учителя о существовании двух Великих начал во Вселенной: Бога-Единого, Кто является Творцом всего материального бытия (в том числе ума и сознания), и Бога-Сына Его, Кто является Творцом душ человеческих. Хотя не окажись Посланника на Земле в это время, Бог знает, как повернулась бы моя жизнь. И всё равно, однажды пришлось бы признать великую истину о существовании самой тонкой энергии в Мироздании, о существовании бессмертной искры в сути человека, – сколь долго не пришлось бы моей душе перевоплощаться. Лишь овладев тончайшей энергией души, – условно можно сравнить её с огнём, – возможно выйти из тупиковой ситуации связанной с тяжёлым грузом впечатления прошлых воплощений. Лишь огонь души способен, переплавляя (то есть трансформируя), нейтрализовать весь негатив прошлого. Вот что я начал понемножку осознавать, когда первый раз

прочитал «Последний Завет», из которого также следовало, что все народы земли, все люди в будущем будут жить Единой Семьёй, как братья и сёстры, без государств и границ... (Вот прям здесь чувствую вашу скептическую улыбку, дорогой читатель. И, кстати, ценю её. Потому что сам таким был. Не люблю доверчивых людей, они, как правило, недалёкого ума.) Я сам когда первый раз прочитывал «Последний Завет», застывал в улыбочке скепсиса. («Я есть Слово Божие», «Я пришёл, как и было обещано 2000 лет назад» и прочий, как мне тогда казалось, то ли бред, то ли примитивный самопиар). Но вникая более внимательно в суть текста Красной Книги, я стал относиться к Учению уважительно, а потом и вовсе с большим интересом на несколько дней погрузился в содержание «Последнего Завета», находя в нём много новой информации. Например, до того я думал, – это следовало из всей эзотерической литературы, – что Христос был лишь одним из многих Просветлённых Учителей. А Виссарион утверждал, что Сын Божий есть и будет только один для рода человеческого. И что человеческая душа – уникальная во всей Вселенной – связана с её Создателем Отцом Небесным невидимой ниточкой любви, и что все Внеземные высокоразвитые наши братья по разуму не имеют того дара, которым обладает человек. И разговоры о Просветлении, Нирване и прочих чакрах – это разговор о грубоватых энергиях материального бытия, не имеющих отношения к тому, что называется духовностью человека. Всё выглядело логич-

но и убедительно! По крайней мере, для меня. Говорю вам: когда придирчиво я вновь и вновь шастал по Книге, пытаюсь найти противоречия, там их не было! Тогда замелькала надежда. А что, если Он и есть Тот, за Кого Себя выдаёт!? Как по-другому Ему сказать об этом! И получалось, что об этом можно было рассказать так, как Он это и сделал... Хотя, как уже говорил, все внешние условия, когда я прикоснулся к Учению очень не понравились моему «эго». Даже тот факт, что Посланник оказался русским, неблагоприятно влиял на мою психику. Потому что в силу исторических обстоятельств у прибалтов на генном уровне отпечатались глубокая неприязнь ко всему русскому. (Тому были причины, гонения и притеснения литовского народа – в одно время царское правительство даже ввело запрет на обучение детей литовской письменности.) Всё внутри меня загорелось, все прежние установки ума, весь мусор моего подсознания поднялся и запылал синим пламенем, когда я прикоснулся к Учению Посланника. Это было время начала Свершения, когда Он только собирал вокруг Себя воинов Света, и что такое «Таинство горения» (чистка души), Он определил чуть позже, – Таинство, которое время от времени будет охватывать чувственный мир верующих, очищая его огнём. «В древности вас крестили водой, а сейчас Я буду крестить огнём». (Из проповеди Виссариона). И горение, этот внутренний катализатор, оно всегда полезно, когда идёт процесс переплавки внутреннего мира верующего. Потом мы

уже шутили: болезнь под именем «воспаление эгоизма» переходит в последнюю стадию – воспламенения эгоизма: поднимается жар, идёт процесс излечения. (1) Мой же внутренний мир по приезду к Учителю, уже был охвачен тотальным огнём...

(1) – Чересчур разросшийся эгоизм, переплавившись, приходит в норму, что является целью духовной практики. Не искоренение эгоизма путём отречения от чувственной привязанности к миру, как предполагают разные восточные практики медитации, а именно – приведение эгоизма в норму.

17 лет спустя. Теория омоложения (вводная лекция)

Огни аэропорта и самого города Абакан остались далеко позади. Рёв моторов большого авиалайнера обеспечил плавный подъём многотонной машины. Мы летели на запад. Я скоро вновь увижу Вильнюс, компактный город уже Евросоюза. Предвосхищая встречу с родным братом и городом моей юности, приятные ощущения расползлись по всему телу. Прошло 17 лет... Но отдалиться воспоминаниям некогда. Нужно обрисовать контуры выступления, который уже давно созрел в моей голове, но так и не был записан.

Меня позвали на родину для чтения цикла лекций. Люди на Западе начали интересоваться тем, что происходит в далёкой Сибири. Про Свершение сняли фильмы американцы, норвежцы, эстонцы, канал ВВС. По словам одного заезжего журналиста: «если что-то и происходит интересного в современной России, так это явление – Община Виссарiona».

Пока ноутбук отключён я достаю лист бумаги и ловлю себя на мысли, что этот старый, добрый метод изложения своих мыслей мне нравится больше. Беру ручку и направляю поток мыслей в нужную струю:

«Господа, открытие, с содержанием которого вы сейчас будете ознакомлены, кроется в самом названии лекции,

если правильно его прочесть: «АРМАГЕДДОН – ДАРУЮЩИЙ ЖИЗНЬ». Итак – АРМАГЕДДОН, как известно, это последняя битва ДОБРА со ЗЛОМ, СВЕТА против ТЬМЫ, в которой СВЕТ одержит окончательную победу, и на Земле воцарится вечное царство ДОБРА, СПРАВЕДЛИВОСТИ и ЛЮБВИ. По сути, я попробую до вас донести мысль о том, что сражение, которое происходит внутри каждого из нас, по судьбе нам суждено выиграть, получая ДАР ЖИЗНИ, где, овладев фундаментальными энергиями, мы будем способны продлевать жизнь наших материальных тел на бесконечно долгое время. Есть такое выражение: «поставить на место», именно, поставить на место, своё разросшееся «эго» – вот о чём мы будем говорить: об усилиях по избавлению от некоторых вредных привычек, одна из которых есть привычка умирать.» – Ручка, легко скользя по бумажной поверхности запечатлевает символы, и кто-то потом, глядя на эти волшебные каракули, будет способен открывать для себя новый мир. Мы уже волшебники! – старая детская мысль мелькает в моём сознании. – И это только начало осознанного владения Силой Воображения! – «Привычка умирать, господа, как и все привычки своё начало берёт в примитивной закольцованности грубой энергии на самых низких жизненных центрах нашего организма, на той примитивной информации, которой потом жонглирует наш ум. А именно: самой большой иллюзией, в создании которой повинны мы сами – её создают наши органы вос-

приятия. Нам кажется, что окружающий нас мир состоит из вещей, предметов и явлений, которых мы видим, слышим, осязаем, – многим из которых мы дали названия. Потом эту информацию обрабатывает ум, который также безнадежно болен. Ум, сам изначально разделён на две части, проецирует дуализм и во вне. Посмотрите на мир – кажется везде присутствует эта дуальность: свет – тьма, мужчина – женщина, хочу – не хочу, жизнь и смерть... Однако – это ловушка ума, иллюзия нашего ограниченного сознания. Никакой дуальности в мире нет. Это скажет любой физик: весь наш окружающий мир – это одна Единая энергия, включая наши тела. Остаётся лишь осуществить это теоретическое открытие наших учёных – усовершенствовав свой психофизический инструмент, чем является наше тело, достичь состояния сознания, когда мы начинаем ощущать Великое Единство всего и вся, окружающего нас. Запомните – в нашем уме делаются первые шаги в мир иллюзий где происходит деление, и также в нашем уме мы обязаны сделать последний шаг по осознанию Великого Единства.

Деление целого на части нормально, когда речь идёт о пользовании умом в повседневной жизни: нам нужно выделить в своём уме ту улицу и тот дом, к которому мы хотим направиться, – но мы привыкаем к иллюзии сотворённых нами образов, привязываемся к ним, забывая, что они – лишь маленькая часть Великого Целого, таким образом, создавая ложное понятие времени, мы всю жизнь умудряем-

ся провести в этой мышеловке. Итак, чтобы прикоснуться к Реальности нам надо осознать иллюзию нами создаваемых образов, вырваться из этого пропитанного дуальностью плена образов, порвать покрывало Майи, как говорят на востоке, – тогда уже не мы идём по улице, и не мы входим в дом, а с нами случаются те приключения, которые можно назвать жизнью. Этот новый уровень сознания, когда мы начинаем благосклонно принимать всё, что с нами случается, как приключение, не переставая удивляться, какую же ещё новую «не удачу» в виде интересного сюрприза нам поднесёт Реальность, или же – «удачу», потому, что нам интересно всё! Это ощущение волшебства и есть точка начала пути, точка правильно работающего ума, отталкиваясь от которой, мы начинаем избавляться от всех ранее тяготевших нас привычек, в том числе и от привычки умирать. В этом потоке волшебных приключений под названием Жизнь, нет места для смерти, к нашей сути она не имеет никакого отношения, хотя она постоянно стремится войти в наш поток жизни, как компьютерный вирус, который, однажды прорвавшись, подвергает систему опасности. К счастью, мы – единственная цивилизация во Вселенной, которая является носителем самой тонкой энергии в Мироздании, овладение которой позволит вовремя предупредить, а по необходимости и обезвредить вирус смерти. Иными словами, вышеупомянутый процесс самоосознания себя частью Великого Единства, происходит по мере избав-

ления от чрезмерно выросшего «его величества» э г о и з м а, который берёт своё начало в инстинктах животного мира, а усиленный умом, делает современного человека страшнее всякого зверя. На востоке есть хорошая поговорка: «Мудрецу идёт не оставляя следов...»

Мы шли к Николаю по грязной улочке, оставляя глубокие следы. Был апрель, кое-где ещё лежал снег. Хотя идти было недалеко, нам казалось, мы долго добирались по грязи. У нас не было подходящей обуви, и мы несколько раз проваливались в лужи наступая на тонкий лёд.

Николай оказался немолодым, но крепким бородатым мужчиной. Его длинные волосы сзади были переплетены в косичку. Год назад он шагнул за Учителем и переехал в Курагино из какого-то городка на Урале. Жена его пока оставалась там, дорабатывать последний год до пенсии. «Хотя, – сомневался хозяин, – будут ли вообще выплачиваться пенсии через два года... Вон, Виталик, мой сосед уже начал продавать зимнюю одежду. Здесь будут тропики!» А когда мы промолчали, и он заметил недоверие его словам, добавил ещё более уверенно: «Ребята, вы что, Слово не читали?» «Ну, пока что не всё успели прочитать», – улыбаясь отвечали мы. «В самом начале же сказано: на Земле произойдут большие изменения. Катаклизмы! Землетрясения! Государ-

ства будут разрушаться!» «Понятно,» – весело реагировала Алиша, когда мы, молча переглядываясь, думали об одном и том же: в какой дурдом мы попали! Потом я осторожно спросил у Николая:

– А когда это всё произойдёт?

– Скоро. Очень скоро. Словом Божьим так сказано: «в течении пятнадцати лет на Земле не останется ни одного неверующего!» Сам прикинь, какие страшные события должны произойти, чтобы за такой короткий срок всё изменилось!

Больше вопросов мы не задавали. Было необычно и интересно то, что Николай называл Учителя «Словом Божьим», не говоря уже о содержании той информации, которую он взвалил на нас, и которую мы с трудом начали как-то переваривать. Для меня Виссарион пока что, по прочтении его «Последнего Завета», оставался просто мудрым человеком, Учителем, почтенным Гуру, как уважительно называли мудрецов на Востоке. «Слово Божие в облике человека – это что такое!?» – думал я.

Но Николай не стал долго останавливаться на теме «конца Света», которую, как потом выяснилось, так любили раскручивать первые паломники. Он был «большим ребёнком», который во всём быстро находит то, чему можно порадоваться, и тут же переключился на темы быта, и повседневные проблемы для него казались не менее важными, чем судьбы Мира. Он с радостью принуждал нас осмотреть его маленький домик, обе комнатки, скромную мебель и небольшой уча-

сток земли, где и вырастил свой первый урожай на Земле Нового Обетования.

– Вот приедет моя Аннушка, попробует мою тыкву, – ребята, вы не представляете какая она сладкая, в «миру» такой не найдёте... Здесь совсем другие вибрации у Земли. А вы знаете как толкуется имя Виссарион?.. – Жизнь Дающий! Я вам говорю: сама Земля здесь помогает Свершению... А для Аннушки, как для женщины, очень важно прикоснуться к этой земле. Только тогда, я чувствую, она полностью сможет довериться Учителю...

Мы пробовали и тыкву, и морковь, и улыбались вместе с хозяином. Но у меня на сказанное Николаем проскользнула мысль, что «Аннушка ещё не полностью доверилась Учителю» и вообще, наверное, колеблется с переездом сюда. И как оказалось, мои опасения оправдались: и через год, когда я встретил Николая, и через три и пять лет, он всё ещё ждал приезда своей Аннушки... И не он один. «Я принёс на землю огонь, – провозглашал Христос в первом воплощении. – Я принесу разделение в семьи ваши», – подтверждал Виссарион во Втором Пришествий. И многие семьи разделились на почве веры Учителю. Много было таких, кто был поставлен перед жестоким выбором: оставаться в «миру», где после встречи с Истиной продолжить работать в СИСТЕМЕ, означало бессмысленное существование; или оставляя вторую половинку, детей и родственников, которые в лице Виссариона не увидели Спасителя, рвануть

вместе с «прозревшими» строить новый мир на Земле Нового Обетования. (А может спастись от в скором времени намечающихся катаклизмов!?) И каждый по-разному, индивидуально решал эту задачу. Трудные решения приходилось принимать. И счастливые были семьи, которые в полном составе смогли принять Учение и приехать к Учителю. Но даже многие из тех «крепких счастливых семей» при попадании в «зону», спектр сильнейшего излучения поля Учителя, лопались, потому что часто составлены были не по любви, а исходя из разного рода расчётов, что нередко встречалось «в миру», (часто из расчёта не прямолинейного, а более тонкого, не осознанного), что тут же выходило наружу при встрече с Истиной.

Мы хрумкали действительно очень сладкую морковку, но у меня не переставала болеть голова. Утренняя привычка к зелёному чаю, ещё долгие годы мешала, так сказать, наслаждаться паломнической жизнью, потому что не попей чай – и у меня начинались головные боли. А зелёный, как и чёрный чай были причислены к наркотическим средствам, и их употребление в Общине не поощрялось. (Вообще нельзя сказать, что в Общине существуют какие-либо запреты. Учитель лишь даёт советы, которые в головах верующих уже выстраиваются в виде закона.) Я долго боролся с этой своей «слабостью», так как всякий раз, когда я отказывался от чая, меня преследовали невыносимые головные боли. И только потом, когда я перестал бороться с этой «вредной привыч-

кой», а наоборот, начал шутить: «утро без чая – день пропал», я смог перетерпеть и день, и два без волшебного напитка. Но это было потом, когда я научился шутить и понял, что только шутя мы расстаёмся со слабостями.

А тогда моя голова раскалывалась от боли, когда я приступил к первой работе в Общине. (А сколько всякой работы я переделал потом, оставаясь в Общине! Я за всю свою жизнь до этого и малость того не сделал. Я ведь – дитя города, при этом погрузившись в медитацию и начитавшись разных интеллектуальных книжечек, считал себя аристократом духа, и, можно сказать, что физический труд на тот момент я презирал.)

Мы вытаскивали овощи из подпола, где с наступлением весны они начали прорастать. Николай залез в подпол, собирал овощи в мешки и подавал их мне. У меня не было рабочей одежды, но на такие мелочи в первые годы становления Общины никто не обращал внимания. Много делалось на волне эйфории, – ухватившись за одну фразу Учения, например: «помощь ближнему – святое дело», можно было забыть обо всём остальном. Я осторожно, стараясь не испачкать единственные более-менее порядочные джинсы, которые как раз на случай приезда на Землю Обетованную были на мне одеты – вытаскивал мешки на улицу, волочил их по грязи на другой конец огорода и с трудом опускал в глубокий холодный погреб. После пяти суток, проведённых в поезде, где не было никакой физической нагрузки, мои мыш-

цы не хотели втягиваться в работу. Да и целых пятнадцать лет я провёл сидя в медитации поэтому не мог похвастаться накачанными бицепсами. Поэтому первое время в Общине мне было особенно трудно. Но я старался.

Алиша приготовила нам обед. Борщ после физической работы мне показался очень вкусным. Мы покушали, Николай взял гитару и начал петь. А когда Алиша заварила крепкий зелёный чай, который мы всегда таскали с собой, я уже смог полностью расслабиться.

Николай пел, и мои мысли улетели в прошлое, когда я первый раз встретил такого же открытого сердцем русского человека.

Мне тогда было двадцать лет. Я состоял в сборной Литвы по планерному спорту. Как раз на нашем родном аэродроме проходили тренировки кандидатов в сборную СССР, в которую и мы, молодые спортсмены Литвы, претендовали. Помню в свободный от полётов день уже с утра все готовились к вечерней гулянке: опытные лётчики-буксировщики наловили рыбы из Нямунаса. Река делала большую петлю возле нашего аэродрома и служила хорошим ориентиром для финиша.

Потом, когда я уже бросил институт, прекратил полёты и с головой ушёл в медитацию, мне ещё долго снились сны, в которых я вместе с братом на двух белоснежных планерах с бравым в то мрачное советское время названием «Lietuva» устремлялись на финишную прямую, к «петле Нямунаса»,

со свистом скорости 250км/час мчались в нескольких метрах от поля аэродрома, делали эффектные развороты и заходили на посадку. По молодости я думал, что стремлюсь к результату: быть первым в этой непрекращающейся гонке в СИСТЕМЕ. Потом пришло осознание, что моя душа просто скучала по полёту. Когда позже в медитации одна за другой открывались мои чакры, и мощный поток энергии устремлялся к макушке головы, невольно вспоминал тихий приятный звук обтекаемого воздуха сидя в безмоторном аэроплане, который в тёплом потоке кружа спиралью карабкался на самый верх небес, чтобы... на мгновение ощутить себя Богом. Когда открывалась самая верхняя чакра макушки головы, я испытывал состояние сознания Будды, Просветленного. Но потом я понял, что и это ещё не всё, а лишь повтор опыта прошлой жизни, когда я упивался пением священных мантр, проводя долгие часы у ног своего Учителя, некоего сумашедшего Рамакришны. Пришло осознание и того, почему я с малых лет испытывал особую тягу к уединённой жизни, что вынудило потом бросить институт и прекратить полёты. В пылу юношеского романтизма я последовал примеру Великого Будды Гаутамы, покинул мир внешней суеты, сядясь в медитацию, чтобы постичь Суть всех вещей, постичь суть страданий, и избавления от страданий. Этот шлейф – тяготение к отшельничеству и гашению огня своих желаний, тянулся за мной из прошлой жизни. «Суть восточных учений— научить человека гасить этот огонь. Моё Слово учит пользо-

ваться этим огнём,» – говорил Виссарион, и в этой жизни мне предстояло учиться пользоваться огнём...

А тогда, в пиру молодых, весёлых ребят с копчёной рыбой и самогоном, которым снабжала лётчиков деревушка рядом с аэродромом, моя душа услышала и опознала чистое звучание открытой сердечной чакры. Возле костра сидели двое русских. Они были студентами, кажется из Рязани, и приехали на тренировки вместе со сборной командой СССР.

Того, кто играл на гитаре и пел звали Володей. Рядом сидел Саша. Я как-то наблюдал за ними, потому что это были первые «настоящие» русские, которых я видел. То есть не те русскоязычные, которые давно жили в Литве, и не только удивляли нас своим нежеланием выучить хотя бы пару слов языка народа, среди которого им пришлось годами находиться, но и часто услышав литовскую речь, могли небрежно бросить: «А скажи-ка тоже самое на нормальном языке», настолько крепко в сознании этих людей утвердилось имперское мышление. Эти люди были просто русскоязычными, без принадлежности какой-либо нации, их русский язык был скуден, и лишь отдалённо напоминал тот богатый, красивый, насыщенный русский язык. Эти русскоязычные являли собой продукт «Гомо советикус» – идеологии воинствующего атеизма, идеи строительства коммунизма, что очень похоже на Царство Небесное в христианстве. Только вот разница на самом деле очень большая. Дьявол, как говорится, в деталях: если в Евангелии говорится о некоем Царстве Отца,

куда попадает душа праведника, потерявшего возможность излучать из себя не то, что агрессию, но даже возможность о ком-то подумать плохо у него отсутствует, то «гомо советикус» от ума пытается навязать некую унифицирующую всех народов идею всеобщего благоденствия. Только вот душа человека развивается постепенно, вырастая через привязанности: к своей семье, к своему народу. В своём росте нельзя перепрыгнуть. Все ступени должны быть пройдены. Отсутствие принадлежности к эгрегору своего народа – это не показатель некоего совершенства. Только имея высокоорганизованные чувства можно говорить о появлении понимания к таким же чувствам другого человека и другой нации. Гражданин мира – не тот, кто отказался от принадлежности к своему народу, а тот, чьё сердце переросло границы любви только лишь к «своим».

Те ребята были «настоящими русскими», носителями духа своего народа. Когда Володя взял гитару и запел, я по-настоящему почувствовал, что такое «русская душа». Полилась медленная лирическая песня из самой глубины сердца. У меня неожиданно покатались слёзы, хотя самогона я даже не пробовал. На всех таких аэродромных вечеринках я пил только чай, за что друзья меня дразнили поговоркой начальника аэродрома: «чай пьёшь – орлом летишь» -, и я, как ответ на пароль, выдавал вторую половинку стишка – «водку пьёшь – свиньёй лежишь», и мы все смеялись... Незаметно стирая слёзы, я пробрался к Володе, сел рядом, и просил

спеть ещё и ещё, наслаждаясь широкими просторами русской души, к которым потом не раз прикасался, слушая песни паломников.

Мы пели вместе с Николаем псалмы, которые тут же рзучивали...

Теория омоложения (продолжение)

«Мудрец идёт, не оставляя следов», – что это значит? По тому оживлению, который пронёсся среди пассажиров нашего авиалайнера, я понял, что пришло время обеда. Отложив рукопись, я обратил внимание на своих попутчиков. Вглядываясь в эти лица, наблюдаю изменения, произошедшие в обществе за 18 лет моего отсутствия. Я действительно за эти годы всего несколько раз съездил в Красноярск, чуть чаще приходилось побывать в Абакане. Свою родину за это время посещал дважды, и каждый выезд приносил массу впечатлений. Можно сказать – 18 лет я провёл в таёжной деревне, в Общине, в поле мощного воздействия Учителя, где время, казалось, мчится на удивление стремительно, и вместе с тем иногда оно застывало, и нам казалось, что за год мы проживаем столетие.

Лица попутчиков авиалайнера отражали те изменения, которые произошли за это время в России. Когда мы приехали в эту страну люди были растеряны, многие озлоблены. Крушение идеалов строительства коммунизма были очевидны на каждом шагу. Едешь в троллейбусе – тебя окружают недружелюбные лица уставших в борьбе за выживание пассажиров. «Куда лезешь!?! – Не толкайся! – Хам!», – такие реплики резали слух только что приехавшего европейца, а кто-то молчит, затаив в себе поражение великих иде-

алов великой страны, – их досаду и безысходность выдают лишь бледные каменные лица.

За 18 лет страна изменилась. Вот пассажир с лысиной на макушке, средних лет, в хорошем костюме, передаёт омлет своей попутнице, улыбается и даже находит пару ласковых слов стюардессе. А эта пожилая дама, воспитанная на Советских идеалах и пережившая их крушение, сейчас мило беседует со своей подружкой. Не могу не заметить их светлую ауру: удельный вес непроработанных эго-программ почти равняется нулю. Эти симпатичные старушки лет пятнадцать занимаются какой-то эзотерической практикой. Ну да: они практикуют технику аффирмаций Луизы Хей и также успешно упорствуют в занятиях йогой, – эту информацию легко считываю с их поля. А вот красивая блондинка средних лет вынашивает амбициозные планы по созданию собственного бизнеса. Всмотриваясь в её будущее, вижу полосу неудач, но потом всё-таки у неё неплохо пойдут дела, когда она, распутав некоторые свои психологические узелки и привязки, попробует себя уже в другом виде деятельности. Что касается семейной жизни, здесь её дела безнадежны. Вижу у неё есть дочь от прошлого брака, но впереди во взаимоотношениях с мужчинами её ждут сплошные разочарования. Ей надо сильно измениться, чтобы дела в личной жизни пошли в лучшую сторону. Но сейчас она об этом не будет беспокоиться ближайшие лет пять.

«Крым наш, и запомни мои слова, Одесса тоже будет на-

шей!» – Это из разговора моих соседей слева. – «Ну, насчёт Одессы рано говорить, а Крым безусловно наш – это не обсуждается.» Невольно заглядываю в ауры соседей, беспечно разбрасывающих фразы, за которыми вижу глубинные переплетения их кармических узлов: успешные молодые офицеры лет тридцати пяти уже вскоре встретят свою судьбу, правда уже на восточном театре горячих событий, когда жёлтый дракон, также одержимый идеей Самости неожиданно подует огнём Армагеддона на своего северного соседа. Тьма пожирает сама себя...

«Мудрец идёт не оставляя следов, – после обеда продолжаю работу над текстом своего выступления. – Это означает лишь то, что мудрый человек живёт не грандиозными идеями по типу «патриотизма», «справедливости» и прочими выдуманскими фразами «высокой материи», а простым человеческим отношением к каждому встречному на своём пути. Он живёт не привязываясь к лишнему, а то, к чему и к кому самой судьбой суждено привязаться, за тем он будет ухаживать, как самая заботливая мама, так как эти привязанности и составляют суть кармы, суть оставляемых следов. Согласно древним трактатам Дао, мудрец – тот, кто нашёл истину – с поверхностного взгляда похож на невежду-простолюдина, – он также живёт скромной, незаметной жизнью, как будто и не задумывается о смысле своего существования. Но дело в том, что он уже решил эту загадку, а тот, кто стоит в начале пути к мудрости,

обычно торопится набить свою голову «великими» идеями (без них ему кажется, что жизнь протекает напрасно!), ради которых не задумываясь жертвует простой человечностью. Вот так работает наш ум – рассадник эгоистических привязанностей в виде «больших», «благородных» идей, повинуюсь которым мы безнадежно пытаемся загонять окружающую реальность, – а это сама гармония, – в свои придуманные коридорчики: ложный патриотизм, – допустим, в оригинальной упаковке «русского мира», то есть особого (!) мира, или защита ценностей западной демократии, которую, как кажется некоторым господам, нужно любой ценой распространить на весь земной шар, потому, как другой альтернативы для развития человечества, по их мнению, не существует. Как следствие, как противовес, мир получает другую «большую» идею – исламский фундаментализм, – возможность жертвы неверных во имя Аллаха. И неважно, какую именно «большую» идею вы отстаиваете, пока вы это делаете, вы являетесь тем, кто подстрекает войну. Лишь полностью осознав процесс работы своего ума, – как рождаются «большие» идеи, (а в их основе всегда лежит необузданный эгоизм с маскирующейся агрессией), привязанности к этим «правильным» идеям, а потом, как следствие, и борьба с инакомыслием, – лишь заглянув внутрь себя, лишь узрев все хитросплетённые тропинки ума мы сможем понять свою истинную суть.

В «Моторское» мы вернулись поздно вечером.

На следующее утро мы выехали в таёжные деревни, где разворачивался основной театр действий Второго Пришествия. Граждане бывшей империи от Питера, Риги, Киева и до Владивостока и Сахалина, уверовавшие во вновь Пришедшего Спасителя, стремились переехать на землю Нового Обетования. Таёжные деревни: Петропавловка, Черемшанка, Гуляевка, Жаровск – вдыхали новую жизнь. Всякий переезд, как известно, связан с некоторой имущественной потерей, но когда речь идёт о стремлении верующего попасть на Землю Обетованную, расставание с некоторым количеством материальных вещей и удобств городской жизни переносятся удивительно легко. Это своего рода плата за билет на «Ноев ковчег». Те же, у кого не было возможности пока перебраться в новую страну Виссарионию, старались хоть раз в году провести отпуск среди своих единомышленников.

По естественным законам «мира гбнущего» в «Зоне», которую определил Учитель и в которую входили четыре вышеупомянутые деревни, сильно подскочили цены на жильё. Повышенный спрос определил цену предложения. Местному населению судьба сделала большой подарок: можно было легко продать своё убогое жильё (зачастую это были старые развалюхи) в четыре-пять раз дороже их действительной стоимости и спокойно купить нормальный дом с хозяйством

где-нибудь всего за восемьдесят километров от эпицентра Сверхшения, а то и в самом Красноярске обжиться, чем местные охотно пользовались.

Понятие «Зона» ввёл Учитель. Предполагалось что в Виссарионию хлынет множество народа со всего мира. Над всеми, принявшими Учение, висело ожидание больших катаклизмов, которые вскоре изменят лицо планеты и среди уцелевших, по словам Посланника «на земле не останется ни одного неверующего». Вот что, например, запечатлел, по возвращении из Индии, где Виссарион с ближайшими учениками несколько дней провёл в ашраме Сай Бабы, собиравшем вокруг себя миллионы последователей, Вадим-летописец: «Сай Баба знает, что люди, впадая сейчас в наибольший хаос, будут взывать к Богу и однажды великим множеством бросятся навстречу к Сатья Сай, ибо к тому часу он открыто провозгласит о бытии своём на Земле, продолжая являть миру великие чудеса. Но к тому часу на Земле открыто будет проявлено и другое Сотворение, открывающее Путь ко Спасению человечества. <-> В парламентах кипят страсти, в правительственных кругах происходят встречи на высшем уровне. Всем кажется, что именно там решаются судьбы народов. А в то же время, тихо и незаметно, происходит встреча двух Истин великого Бытия – встреча, которой никогда не было в истории человеческой. Таково величие времени предстоящих событий. И только сама жизнь будет всё расставлять по своим местам.» (1), (2).

(1) – Сай Баба – аватар, представитель внеземной разумной, высокоразвитой цивилизации, он не обладает человеческой душой. «Чудеса», которыми он удивлял толпы людей, это всего лишь пользование теми законами, знанием которых пока не владеет человечество. Но он ничего не может сказать о сути развития человеческой души.

(2) - Виссарион – Посланник от Отца Небесного; у Него также как у всех остальных людей есть душа, но прикреплена к материальному Его телу чуть по-другому – менее привязана к матери, – поэтому Сутью Своей Он больше связан с Отцом, в этом состоит преимущество Его души (и в этом – уязвимость); отсюда вытекает и Его миссия: вести род людской, показывая единственный правильный путь развития духовной ткани, которой однажды Отец Небесный одушевил землян.

В своей молодости Сай Баба пророчествовал, что придёт время, и он окажется «маленькой точкой, окружённой миллионами последователей»; также и набирающей силу Общине в Сибири, в предгорье Саян надлежало принять огромную массу людей во грядущие времена хаоса на Земле. Поэтому Виссарион и обозначил понятие «зоны», в которую входили уже упомянутые четыре деревни, находившиеся на ближайшем расстоянии от предполагаемой главной Святыни Свершения – Города Солнца, строительство кото-

рого только начиналось: в дикой тайге, на горе Сукья, рядом с озером Тиберкуль, что находилось в двадцати километрах от ближайшей деревни Жаровск. А дальше на тысячу километров до самого Байкала тянулась дикая нетронутая тайга и горы. Правда, говорили, что где-то посередине, в каком-то необычно мягком микроклимате междугорья находится неприступная (туда практически нет дорог) и поэтому загадочная страна Тафалария, куда по слухам, которые время от времени проносились среди общинников, однажды уйдёт Учитель с самыми преданными учениками, так как «призванные исполнить» большей своей частью не оправдали возложенного на них доверия, являясь недостаточно ревностными в исполнении Слова Божьего. На практике это означало, что многие приехавшие слишком привязались к своим личным хозяйствам, мало времени уделяя делам общинным, чего постоянно требовал Учитель. Правда, эти слухи быстро и опровергались: «Да не может такого быть! Не оставит нас Родненький, – всех спасёт, кто успел добраться до Земли Нового Обетования». Но это было потом... Пока что среди верующих витал энтузиазм, и все были готовы отдать все силы во исполнение Слова Божьего. «Зона» должна была лишь смягчить напор жаждущих, остановить хаос наплыва толпы паломников, упорядочить сознание новичков. Было такое правило: верующие, вновь прибывающие на Землю Обетованную, должны были спросить у Учителя, где конкретно им лучше обосноваться. И нашим челове-

ским умом не было понятно, по каким критериям Он «сортировал» верующих: кого пускать жить в «зону», кого отправить в дальние деревни, (возможно Он видел в людях некий «уровень духовности», что ли!?). Но фактом остаётся то, что далеко не всех Он благословлял на житие в «зоне», где поле действия Духа Его по глубокому убеждению паломников имело наибольшую силу, и не каждое сознание, даже уверовавшего в Мессию, могло справиться с мощным потоком силы Света. Три гостевых дня разрешалось находиться в «зоне» тому, кто не был благословлён, а дальше нужно было получить специальное разрешение старосты «зоны», где оговаривались условия и цель проживания. Обычно верующие, живущие в дальних деревнях заходили в «зону» на встречу с Виссарионом, который в то время жил в Петропавловке, или на труд в качестве помогающих, – сначала в «зону», а потом и дальше, на гору в «Обитель Рассвета».

Конечно, эти правила принимались добровольно теми, кто считал себя верующими, и действовали только в среде пространства общинников; а рядом, в параллельном для нас мире, были учреждения власти: сельсовет, местные депутаты и участковый милиционер, и время от времени с этим параллельным миром нам приходилось взаимодействовать, – когда покупали дома, когда прописывались и т. д., – но мы смотрели на этот «мир гибнущий», как на временное явление, как неизбежность, пока что тормозящее полноправному движению верующего вперёд.

13 апреля рано утром мы выехали в «зону». Так совпало, что мы приехали в Общину ровно в праздник. День 14 апреля Виссарионом был определен днём праздника весны, праздника Возрождения. Поэтому всего два рейсовых автобуса, отправляющиеся из Курагино в сторону деревень «зоны», были переполнены паломниками. Мы два часа ехали по грунтовке стоя, как селёдки в банке. Но было весело – кругом все шутили, смеялись, некоторые тихо пели псалмы.

Что чувствовали мы, когда старенький грязный «Пазик» подпрыгивая мчался по сельской грунтовой дороге к человеку, который обозначил себя не больше и не меньше – Вторым Пришествием Христа, Живым Словом Бога? Могу ли я сказать, что в тот момент я уже был «верующим»? Наверное, нет. И я, и Алиша – мы были воспитанниками Дзена, вида медитации, где акцент делается на фиксации сознания на точке «до включения ума», и наш разум был отточен критическим взглядом «безмолвия». Да, я уже читал «Последний Завет», и всё, что там было написано легко воспринималось моим умом. Более того, как уже говорилось, в Учении я нашёл те недостающие звенья в моём мировоззрении, которые помогли выстроить полную картину устройства окружающего Мира и места человека в Нём. Но мне нужно было своими глазами увидеть Его: увидеть всё, что происходит рядом с Ним, увидеть Им создаваемую Общину, прочувствовать Его самого лично: как Он идёт, как смотрит, как молчит... Человек так устроен, что ему нужно вновь и вновь убе-

даться в том явном, что однажды предстало пред его глазами, если это явное не вписывается в картину обычных явлений. Человек на самом деле не доверяет самому себе, и если говорить о чувстве религиозной веры, то можно сказать так: веруя до конца себе, вы обязательно придёте к вере Богу.

Человек, общаясь с другими людьми, видит своё отражение в них, как в зеркале. Он замечает пятна на этом зеркале общения, свои и чужие пятна, и если он старается почистить свои пятна, он растёт. Общение с теми, кто находится на более высоком уровне эволюционного развития, нам даёт возможность увидеть свои недостатки; увидеть их и исправить. Но признать свою малость – это самое трудное для нас, и мы торопимся разглядеть недостатки у собеседника; будь он самым совершенным и мудрым человеком на земле, недостатки мы всё равно будем искать, в конце концов – свои припишем, потому что для эгоизма признать свою малость – это смерти подобно. Поэтому мы часто теряем шанс для своего развития, когда ищем недостатки у других, когда избегаем общения с человеком, который говорит нам не понятные вещи, когда высмеиваем тех, кто мыслит нестандартно. И вскоре наш ум и вовсе закрывается, оставаясь со своими примитивными суждениями и уже окончательно застывшими понятиями о жизни. Тем более, что «ящик» (телевизор), верный слуга СИСТЕМЫ укрепляет веру в «простые решения» сложных проблем, и, как бы, «даёт ответы» на все вопросы жизни.

Чтобы принять что-то новое нужен гибкий ум и готовность расширить кругозор своего восприятия, допуская что-то, к чему мы впервые прикасаемся, возможно более совершенное, более чистое, чем-то, что было нам известно доселе. К сожалению, у множества современников первая реакция на что-то новое, необычное – это глубокое недоверие и нежелание разобраться с этим.

В глубине у нас много подозрения. Потому, что в недрах нашего подсознания таится накопленный далеко не положительный опыт. Мы изначально не склонны никому доверять. Ведь столько веков, поколение за поколением наши предки вели суровую борьбу за выживание (даже в Европе голод среди населения был окончательно преодолен лишь в середине XX века), где обман и коварство были обычными средствами в этой борьбе. Поэтому первая наша реакция при встрече с человеком, а в представлении нашего подсознания – опасным двуногим животным—это подозрительность.

Для абсолютного большинства людей д у м а т ь – это слишком большая роскошь. Потому что процесс мышления начинается после того, как мы преодолеваем наследие животного страха и недоверия, преодолевая примитивные реакции «нравится – не нравится»...

А пока мы с Алишей ехали навстречу приключению, и паломники в праздничных одеждах и сияющими глазами, укрепляли надежду, что ИСТИНА где-то рядом.

Сквозь грязные стёкла автобуса я старался разглядеть ту местность, в которую паломники уверовали как в Землю Нового Обетования. Пейзаж ничем особо не выделялся: поля, холмики, берёзы... После часа езды появился лес и скалы, которые прижали дорогу к реке Казыр. Вдоль реки и были расположены деревни.

Когда автобус останавливался в этих деревнях, мы каждый раз ещё дружнее прижимались друг к другу, стараясь принять в наше дружное пространство ещё нескольких человек, которые также стремились попасть на праздник. И действительно, каждый раз находилось ещё чуть-чуть места, как раз столько, сколько нужно было для новых пассажиров. Автобус как резиновый растягивался ровно настолько, чтобы туда поместились новые желающие. Может быть это чудо происходило от того, что все относились друг к другу очень уважительно и бережно, а может от того, что все пассажиры этого маленького автобуса, за исключением двухтрёх местных, были паломниками уже прочитавшими в Книге: «путь развития человека основан на вере, а не на холодном расчёте разума.» Поэтому сколько надо будет места в автобусе – столько и сделаем!

Наконец автобус ворвался в деревню Петропавловка, остановился, и водитель выключил двигатель. Он повернулся к пассажирам и, не сдерживая улыбку, произнёс:

– Всё, приехали.

Он знал, что здесь будут выходить почти все эти сума-

шедшие, странно одетые люди, к которым он относился, в общем, снисходительно, как к детям, многого ещё не понимающим в жизни, но, бог с ними, являющимися существами безобидными, – некоторые из них были наряжены в сказочных персонажей.

Мы с радостью посыпались на улицу, где нас приветливо встретило солнышко. Сейчас мы смогли разглядеть все подробности праздничных нарядов наших попутчиков. Хотя белые накидки народ пока хранил в пакетиках, но некоторые сказочные персонажи предстали во всей своей красе. Среди нас находились: король и королева, принц, гном, мушкетёр с огромной шляпой и несколько фей... Эти сказочные персонажи родились по подсказке Учителя. Первые годы Свершения Учитель часто говорил о том, что мы здесь будем создавать сказку. Вот некоторые это поняли в самом прямом смысле. Многие паломники в эти первые годы Свершения стали исполнять Слово Божие, что называется, буквально. Так в Общине появились свои волшебники и принцессы, короли и добрые феи. Соответственно и атмосфера в Общине первые годы её становления была романтично-сказочной. Точка сборки паломников усилиями Виссариона была сдвинута в сторону волшебства.

– Д Артаньян, – весело обратилась полная тётка к мушкетёру, – помоги нести сумку.

Мушкетёр заулыбался и, под общий смех паломников, конечно же взял сумку. Дружная толпа вытянулась вдоль цен-

тральной улицы деревни. Мы с Алишей быстро пропитались атмосферой безумной сказки и всё происходящее вокруг нас приняли, как весёлую игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.